

European Journal of Literature and Linguistics

Nº 1–2 2020

European Journal of Literature and Linguistics

Scientific journal
№ 1–2 2020

ISSN 2310-5720

Editor-in-chief

Erika Maier, Germany Doctor of Philology

International editorial board

Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Allakhverdyan Tamara Nikolaevna, Ukraine, Doctor of Philology
Belous Viktor, Ukraine, Ph.D. of Philology
Dmitrieva Olga Alexandrovna, Russia, Doctor of Philology
Ivanyan Elena Pavlovna, Russia, Doctor of Philology
Halipaeva Imperiyat Arslanbekovna, Russia, Doctor of Philology
Jasna Potočnik Topler, Slovenia, PhD of Literature
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Marszałek Paulina, Poland, Doctor of Philology
Montoya Julia, Spain, Doctor of Philology
Muhamed Mustafi, Macedonia, PhD in Philology
Obraztsova Olena, Ukraine, Doctor of Philology
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Rechad Mostafa, Morocco, PhD in Linguistic
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Vorobyova Olga Ivanovna, Russia, Doctor of Philology
Zholshayeva Maira Satibaldiebna, Kazakhstan, Doctor of Philology
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o.
Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSC 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage:

ppublishing.org

European Journal of Literature and Linguistics is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at:
<http://ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

The journal has the GIF impact factor .264 for 2019.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Linguistics

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-2-3-11>

*Sargsyan Ruzana Galstyan,
Universidad CEU Cardenal Herrera
E-mail: ruzan.galstyan@uchceu.es*

*Torrijos Mónica Belda,
Universidad CEU Cardenal Herrera
E-mail: monica.belda@uchceu.es*

ONLINE LEARNING TECHNOLOGIES AND THEIR DEVELOPMENT TENDENCIES

Abstract. Today the core feature of the development of modern society is the growing importance of information, which becomes a comprehensive resource for almost any kind of activity, including in education. It can be said that modern teaching technologies serve as a means of transforming information into real knowledge that can be applied to a specific situation.

In the modern pedagogical vocabulary, the concept of modern technologies is firmly included. The word “technology” comes from the Greek word: “techne” – art, skill, skill and “logos” – science, law. Literally “technology” is the science of mastery. Modern technologies are used to realize the cognitive activity of the student in the educational process, which make it possible to improve the quality of education and to use educational time more efficiently.

It should be noted that innovative pedagogical technologies are interrelated, interdependent and constitute a certain didactic system. However, they are aimed not only at improving the quality of education but also in fostering values such as tolerance, coexistence and mutual assistance. All this together provides the educational needs of the student in accordance with his individual characteristics.

This article examines the trends in the development of new technologies and their impact on modern forms of education. Their practical application and the validity of using these technologies are revealed.

The advantages and disadvantages of distance educational technologies in the education system are also indicated and actual problems and ways of their solution are identified.

The article also reveals the possibilities of distance teaching. The authors examine how modern teaching methods and elements are correlated, paying attention to the possibilities and perspectives of the development of distance learning forms and virtual educational environment.

Keywords: online learning, modern technologies, Web 2.0, information resources, distance learning.

*Саргсян Рузана Галстян,
Университет ЦЕУ Карденал Эррера
E-mail: ruzan.galstyan@uchceu.es*

*Торрихос Моника Белда,
Университет ЦЕУ Карденал Эррера
E-mail monica.belda@uchceu.es*

ON-LINE ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ И ИХ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. На сегодняшний день характерной особенностью развития современного общества является все возрастающее значение информации, которая становится всеобъемлющим ресурсом практически любого вида деятельности, в том числе и в сфере образования. Можно сказать, что современные обучающие технологии служат средством перевода всеобъемлющей информации в реальное знание, которое можно применить конкретной ситуации.

В современный педагогический лексикон прочно вошло понятие современные технологии. Слово «технология» происходит от греческого слова: «*techne*» – искусство, мастерство, умение и «*logos*» – наука, закон. Дословно «технология» – наука о мастерстве. Современные технологии используются для реализации познавательной активности студента в учебном процессе, дающие возможность повышать качество образования и более эффективно использовать учебное время.

Следует заметить, что инновационные педагогические технологии взаимосвязаны, взаимообусловлены и составляют определенную дидактическую систему. Однако, они направлены не только на улучшение качества обучения, но и на воспитание таких ценностей как толерантность, сопереживание и взаимопомощь. Все это вместе обеспечивает образовательные потребности студента в соответствии с его индивидуальными особенностями.

В этой статье рассматриваются тенденции развития новых технологий и их влияние на современные формы обучения. Раскрывается их практическое применение и обоснованность использования данных технологий.

Также указываются преимущества и недостатки дистанционных образовательных технологий в системе образования и выявляются актуальные проблемы и пути их решения.

Статья также раскрывает возможности дистанционного преподавания. Авторы исследуют как соотносятся современные методы преподавания и элементы, уделяя внимание возможностям и перспективе развития дистанционных форм обучения и виртуальной образовательной среды.

Ключевые слова: он-лайн обучение, современные технологии, Web 2.0, информационные материалы, дистанционное обучение.

Канадский писатель и эссеист Альберто Мангель в своей знаменитой книге «История чтения» описывает замечательную трансформацию

человеческого сознания, произошедшую примерно в X веке нашей эры. Тогда наступила эпоха чтения про себя. До этого времени люди читали

исключительно вслух, что сегодня нам представляется достаточно редким методом чтения.

В совсем недалёком будущем доминирование дистанционного образования или смешанного дистанционного и традиционного образования будет нормой.

В своей работе “Student satisfaction with on-line learning: Lessons from organizational behavior” Синклер (2011) отмечает: “Learning and educational effectiveness are national issues, and online education has become a major sub-topic during the last decade as enrollment in online courses continues to increase”.

Л. Линч в своей инстаграфике в Интернете помогает проследить эволюцию развития и внедрения новых технологий в учебный процесс начиная от простой ручки и до Pads. (Educational Technology, 2011)

1801–1920 s: When Writing Reigned;

1920–1960 s: A. V. Enhancements;

1980 s: Bits and Bytes;

1990 s: The Dawn of Dot Coms;

2000 s: Mobile-Social Revolution.

Терри Андерсон и Джон Дронь из Университета Атабаски, Канада Anderson, & Dron [1] предлагают рассматривать три поколения дистанционного образования в педагогике: когнитивно-бихевиористская, социально-конструктивная и коннективистская педагогика.

Дистанционное образование началось с преодоления расстояний доступными на каждый момент времени средствами. Таким образом, образование при помощи почтовых отправок можно отнести к первому поколению дистанционного образования. В нём не было эффекта непосредственного присутствия педагога. Иногда ученик даже не мог представить, как именно выглядит его учитель. Он также не мог получить информацию о том, какой характер у его учителя. Это снижало психологический эффект от положительного психологического переноса (трансфера). Исключение

составляли ситуации, когда учитель уже был известной личностью.

Второе поколение дистанционного образования было связано с развитием средств массовой информации: радио, телевидения и кинопроизводство. В этот период времени появились учебные радиопередачи, учебные телевизионные каналы и масса учебных научно-популярных фильмов.

Третье поколение развивается сейчас. Оно появилось с момента возникновения Интернета. Если на первом этапе эти интерактивные технологии только ускоряли пересылку текстового материала при помощи электронной почты, практически в противовес обычной традиционной почте, то в дальнейшем пересылаться стали и аудиофайлы и видеофайлы. На сегодняшний день спектр возможностей интерактивного дистанционного образования позволяет достичь эффекта погружения или даже присутствия. Что создает почти равные возможности с традиционным обучением, а в каких-то аспектах и преимущества.

Нужно отметить, что каждый этап развития дистанционного образования не исключал предыдущие, а дополнял его. Так, к примеру, на сегодняшний день существует дистанционное образование, использующее почтовую рассылку (Европейская Школа Иностранных Языков (ЕШКО) в России), Современный Гуманитарный Университет (Россия) продолжает использовать формы второго поколения, медиа-файлы и рассылка дисков с записью уроков.

В каждом из указанных этапов есть свои преимущества и условные недостатки, связанные как с когнитивными функциями, так и социальным компонентом.

Он-лайн обучение стало как серьёзным дополнением к основным формам обучения, так и отдельной формой обучения, требующей отдельного методического подхода, специальных комментариев и инструкций к конструированию и описанию особенностей применения. Так Dabbagh & Bannan-Ritland [3] издают книгу,

которую можно рассматривать методическим пособием по созданию он-лайн курсов. Интересно, что авторы выделяют сети знаний, асинхронное обучение сетей и web-системы обучения. Однако отмечают, что чётких границ между ними нет.

Конкретные компоненты он-лайн обучения стоит выделять для дальнейшей оценки в использовании. Например, можно рассматривать Web-2 концепцию. Она описывает такие аспекты, как открытость, персонализация, индивидуализация, сотрудничество, социальные сети, социальное присутствие, пользовательский контент, народный Интернет. Отдельно отмечается возможность читать и изменять написанное кем-то. Это можно назвать результатом изменений коллективной мудрости в Интернет-пространстве Ярким примером представленности WEB-2 концепции в Интернете является проект «Википедия».

Сегодня, более чем две трети мирового населения имеет доступ к мобильному телефону, и третью ее часть может общаться в Интернете:

“Today, more than two-thirds of the world’s population has access to a mobile phone, and one-third of it can communicate on the Internet” (Dobbs, et al. [5]). Поэтому возможности использования мобильных устройств для обучения растут.

Как отмечается в обзоре ICEF Monitor восемь стран лидирует на сегодняшний день в освоении дистанционного образования ICEF Monitor. (2012). 8 countries leading the way in online education. <http://monitor.icef.com/2012/06/8-countries-leading-the-way-in-online-education/>: Соединенные Штаты, Индия, Китай, Южная Корея, Малайзия, Соединённое Королевство, Австралия, Южная Африка.

Так, например в 2011 исследование, проведенное Sloan Consortium, показало, что 6 миллионов студентов в США проходят хотя бы один онлайн-курс. В 2012 году в Китае было зарегистрировано почти 70 различных онлайн-колледжей, а в Южной Коре – 17.

В своей книге Dron & Anderson [1] *Teaching crowds: Learning and social media*. AU авторы достаточно чётко обозначают педагогический аспект в использовании WEB-технологий, который призван соединять, а не разлучать людей. Эти технологии, по мнению Dron & Anderson [1] дают колоссальный эффект эмерджентности (emergent), который согласно теории систем не равен обычной сумме элементов в системе, а позволяет получить дополнительный положительный эффект. То есть, это несводимость свойств системы к сумме свойств её компонентов. Можно было бы найти более точный синоним – «системный эффект».

Siemens [15] справедливо считает, что “The pipe is more important than the content within the pipe. Our ability to learn what we need for tomorrow is more important than what we know today”.

Умение признавать и корректировать шаблон сдвигов является ключевой задачей обучения. Если разность стартовых условий в обучении не учитывается, то не будет качественно адаптироваться скорость и способы подачи информации и изменений человека. Эту возможную разницу необходимо принять во внимание и предусмотреть такую возможность в он-лайн обучении.

Как отмечается в Инфографике “The Evolution of Educational Technology” Phyll [13] уже в 2012 году венчурные инвестиции в технологии обучения превысили 1 миллиард долларов “Education technology investments surpass 1 billion dollars due to venture capitalist funding”. Столь серьёзные вложения в образовательные технологии позволяют предсказывать значительное развитие и он-лайн технологий обучения.

Romaní [13] достаточно подробно разъясняет в чём преимущества WEB-2.0 платформы для он-лайн обучения. Прежде всего, он считает, что “Since the irruption of the new digital tools, not only a new form of interaction was consolidated, but a way to strengthen collective knowledge-based learning. The incessant growth of Web 2.0, allows us

to project a constant duplication -in briefer intervals- of the knowledge generation level in this new digital architecture”. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2100403

В качестве удачного примера коллективного сотрудничества в обучающих он-лайн технологиях Romaní [13] приводит возможности создания статей или определений в Википедии. Педагог предлагает ученикам предложить варианты формулировок определений для статьи Википедии и имеет возможность обсудить разнообразные варианты, отмечая наиболее удачные из них.

Он-лайн образование напрямую связано с развитием и достижениями технологий. Появление мобильных устройств перестаёт ограничивать человека, который хочет обучаться, в том, где именно он будет получать знания или получать образование. Так как получение образования как понятие гораздо более емкое и широкое.

Lyncho [10] отмечает, что “2000 годы – это Mobil-Social Revolution. In 2011–73% of students claim they would not be able to study without digital devices such as laptops, smartphones, tablets and e-readers”.

Kitsantas & Dabbagh [9] в своей книге “Learning to learn with Integrative Learning Technologies (ILT): A practical guide for academic success. Greenwich” (2010) предложили интегративную технологию обучения (Integrative Learning Technologies (ILT)), которая включает в себя целый комплекс элементов. Эти элементы помогают ученику или студенту быть успешным в обучении. Сам факт появления книг, которые разъясняют возможности и особенности использования он-лайн обучения для успешного обучения демонстрирует смешение инструментов из разных форм: традиционного и он-лайн обучения. И это притом, что инструменты обучения, которые присутствовали в разных поколениях развития дистанционного образования, никуда не исчезали. Отражая педагогический аспект ИЛТ авторы предлагают учитывать возможность уче-

никам принять на себя ответственность за своё собственное обучение. Социальное программное обеспечение проектирования учебных задач и учебных заданий, включая WEB –2.0 поддерживает и поощряет студента:

- ставить цели;
- использовать эффективные задачи стратегии;
- развивать самоконтроль и увеличивать самооценку;
- эффективно пользоваться тайм-менеджментом;
- стремление помогать;
- влияет на мотивацию.

Web 2.0, по определению O’Reilly [12], – методика проектирования систем, которые путём учёта сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются. Особенностью WEB 2.0. является принцип привлечения пользователей к наполнению и многократной выверке информационного материала. Предполагается, что в результате этого контент становится полнее. О качестве получаемого контента исследователи до сих пор ведут спор.

Jones [8] в своей книге “Web 2.0 heroes: Interviews with 20 Web 2.0 influencers. Indianapolis: Wiley” собрал интервью о наиболее интересных проектах, воплотивших концепцию WEB-2.0. Интервьюируемые рассказывают о LinkedIn, Skype, e-Bay и других проектах. Вот как описывает Max Mancini реализацию принципов WEB-2.0 в eBay: “... the first mashup – the Craigslist/Google Maps mashup – as an embodiment of my view of Web 2.0. Somebody once described it as the “atomization of the Web.” It’s taking all of the components and making them available so that people can combine them in ways that you would never have considered, or that are very personal for an individual experience”.

Так как развитие инструментов реализации он-лайн обучения связано с развитием ИТ –технологий, то важно отметить какие тенденции,

например, в 2014 году отмечали авторы (Johnson, et al. [7]) The New Media Consortium:

- Evolving Expectations of Teachers; (Тенденция меняющихся ожиданий учителей);
- Growing Ubiquity of Social Media (Растущая повсеместное присутствие Социальных медиа);
- Importance of Content Curation (Важность курирования содержания он-лайн обучения);
- Increasing Preference for Personal Technology (Растущее предпочтение личных технологий);
- Increasing Focus on Open Content (Все большее внимание уделяется открытому Контенту);
- Increasing Use of Hybrid Learning Designs (Растущее использование гибридной модели обучения);
- Shift from Students as Consumers to Students as Creators (Сдвиг от студентов как потребителей к студентам в качестве создателей);
- Evolution of Online Learning (Эволюция онлайн-обучения);
- Digital Delivery is Increasingly the Norm (Цифровая доставка во все большей степени становится нормой);
- Shift to More Authentic Learning (Переход к более аутентичному обучению);
- Increasing Importance of Teaching Kids to Code (Возрастающее значение обучения детей кодированию);
- The Physical Layout and Furniture in Classrooms are Changing (Физическое расположение и мебель в классах меняются).

Исследователи он-лайн образования используют Биггс 3 Р-модель образования. (Biggs 3P model of teaching and learning). Dabbagh & Bannan-Ritland [3] отмечают: “The three P’s are tools Biggs engages to relate: presage as the learning characteristics existing prior to the learning engage-

ment; process as the student learning experiences capture tool, and product as the overall student learning outcomes capture toolkit”. “The structural equation modeling approach used shows that the Biggs 3P model of teaching and learning for first year tertiary institution students does display interaction between each of the construct blocks”.

3P Model of Teaching and Learning (Biggs [2]) в своей Slide Share презентации описывает следующим образом. На этапе предзнаменования (presage) существуют контекст студента и контекст преподавателя. Контекст студента включает в себя: -abilities (способности), prior knowledge (предварительные знания), pre-entry biases (предварительные предубеждения), preferred ways of learning (предпочитаемые способы обучения), motivation (мотивация). Учительский контекст предполагает на этом этапе: course structure, curriculum, teaching methods, assessment methods (структура курса, учебная программа, методы обучения, методы оценки). Второй Р предполагает Process, в ходе которого происходит решение задачи обработки (Task Processing). Происходит выбор подходов в обучении (Approaches to learning): глубокие или поверхностные (deep; surface). Третий Р – это Product. “Desirable Learning Outcomes (Желательные результаты обучения): deep learning, independent learning, critical thinking, with life long learning attributes”, Biggs [2].

Dabbagh & Reo [4] уделяют достаточно много внимания в оценке применения на практике, а именно в высшей школе, WEB-2.0 концепции. Они предполагают, что если использование и усовершенствование платформ, на которых реализуется эта концепция (технология), будет происходить такими же темпами как сегодня, то они вполне могут поставить вопрос о вытеснении традиционных форм обучения (традиционных технологий). “That is slowly easing its way to meet the needs of specialized audiences but ultimately may drive out the conventional education model or turn it on its head?”

Anastasia Kitsantas, Nada Dabbagh, David S. Chirinos, Helen Fake провели он-лайн опрос 128 студентов. Целью опроса было выяснить положительные и негативные последствия использования социальных сетей в обучении. Опрашивали студентов США. “Data showed that social networking was helpful for communication, information gathering, and that it positively influenced their academic work”. Студенты сообщили исследователям, что социальные сети негативно влияют на их социальные взаимодействия, эмоциональное здоровье и выполненных работ. Более младшие участники опроса отметили негативное влияние социальных сетей на этапах завершения работ. Студенты полагают, что социальные сети могут вызывать зависимость, отвлекать от других занятий, и несут в себе угрозу конфиденциальности.

Вопросы он-лайн обучения активно обсуждаются и практически тут же позволяют трансформировать подходы в практической реализации дистанционного образования. Так, например, одной из таких площадок стала Association for the Advancement of Computing in Education. Таких площадок множество. Сами преподаватели, приверженцы он-лайн обучения, активно используют достижения IT-технологий в свою непосредственную практику преподавания.

MERLO-II – Multimedia Educational Resource for Learning and Online Teaching.

Мерло – это программа Калифорнийского Государственного Университета. Система партнерских отношений с учебными заведениями профессиональными сообществами. В ней практической сфере реализованы все главные инструменты концепции WEB-2.0.

Mittal [7] отмечает: “The Internet is an almost measureless repository of great content, but it also contains an equal amount of junk, and sifting through this large collection can be daunting. Students these days have been raised in an online world, and they often do not realize what careful research is all about, teachers should bear the responsibility of

helping students combine both the massive and easily-accessible Internet with conventional research techniques”.

Интересно отметить, что применение некоторых конкретных IT- технологий позволяет добиться психологических и педагогических эффектов. Так, например, “The Internet and the Inverted Classroom” Lage & Platt (1999) указывают, что “... made a mark on the learning landscape a few years ago by encouraging the use of a divided course website broken into online lectures, bulletin boards, student materials and gradebook, and a library featuring resources for self-directed study”. Это позволяет ученику выбирать наилучшую комфортную для него виртуальную обстановку и добиваться лучшего усвоения материала.

Значение комфортной именно для этого индивида обстановки на сайте или эстетическая составляющая оформления сайта напрямую связано с качеством усвоения материала. Researchers found that the brain makes decisions in just a 20th of a second of viewing a webpage... The researchers also believe that these quickly formed first impressions last because of what is known to psychologists as the «halo effect» (First impressions count for web, [14]).

Преимущества для учащихся и всех тех, кто использует IT-технологии для повышения качества образования заключается ещё и в том, что сейчас научное сообщество активно обсуждает и склоняется к равнозначному восприятию опубликованных работ в традиционной печати или на электронных носителях или в Интернет-пространстве. “A commitment to treating electronic work with the same respect accorded to work published in print” (Scott [14]).

В интервью с директором центра цифровой истории Уиллом Томасом его спросили о том, сможет ли этот университет функционировать на печатном носителе.” Thomas was emphatic with his reply; “only marginally, if at all.” Instead, Thomas stressed, they see themselves as “incubators of scholarly inquiry.” The center’s goal is not to produce

projects that necessarily resemble their last success. They want to be able to develop new initiatives without the restraints of a press model. Much of this has to do with the newness and rapid change in the medium itself. Nothing is more emblematic of this than the replacement of the old standby of HTML in favor of the emergent technology of Extensible Markup Language, or XML (Nystrom [11]).

Использование специализированных интер-нет-площадок, таких как, например, MERLO, позволяет быстро получить весомые рецензии на публикуемые статьи. Это значительно ускоряет процесс ознакомления с результатами исследований и увеличивает темпы развития науки и научной мысли в целом. Кроме того, это упрощает и реализацию процедурных вопросов для аспирантов.

Развитие образовательных онлайн технологий не останавливается и некоторые авторы уже обозначают следующее поколение онлайн педагогики WEB-3.0. "It is tempting to speculate what the next generation will bring. Some see Web 3.0 as being the semantic Web, while others include mobility, augmented reality, and location awareness in the mix".

Выводы

- Есть чёткая взаимосвязь между достижениями IT-технологий и расширением возможностей дистанционного образования.
- На сегодняшний день, доминирующая концепция (технология), которая реализуется в онлайн образовании – WEB-2.0.
- WEB-2.0 позволяет получать образовательные, социальные и педагогические эффекты.
- Учащийся в современном дистанционном образовании активно участвует в образовательном процессе. При этом значение имеет не только он сам, но и всё сообщество, обучающееся в данный момент через социальные сети или специализированные Интернет-платформы.
- На данном этапе онлайн образование может прекрасно сочетаться с традиционными формами обучения, но имеет тенденцию вытеснить их совсем.
- Развитие образовательных онлайн технологий не останавливается.

References:

1. Anderson T. & Dron J. Three generations of distance education pedagogy. *International Review of Research in Open and Distance Learning*, 12(3). 2011.
2. Biggs J.B. Approaches to the enhancement of tertiary teaching, *Higher Education Research and Development* 8, 1989.– P. 7–25.
3. Dabbagh N. & Bannan-Ritland B. *Online learning: Concepts, strategies, and application*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, Pearson Education. 2005.
4. Dabbagh N. & Reo R. Impact of Web 2.0 on higher education. In D. W. Surry, T. Stefurak & R. Gray (Eds.), *Technology integration in higher education: Social and organizational aspects* (P. 174–187). Hershey, PA: IGI Global. 2011.
5. Dobbs R., Ramaswamy S., Stephenson E. & Viguerie S. P. Management intuition for the next 50 years. *McKinsey Quarterly*, 2014.
6. First Impressions Count for Web. BBC News International Version. Retrieved May 28, 2006. From: URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/4616700.stm>
7. Johnson L., Adams Becker S., Estrada V., & Freeman A. *NMC Horizon Report: 2014 higher education edition*. Austin, Texas: The New Media Consortium. 2014.
8. Jones B. L. *Web 2.0 heroes: Interviews with 20 Web 2.0 influencers*. Indianapolis: Wiley. 2008.

9. Kitsantas A. & Dabbagh N. Learning to learn with Integrative Learning Technologies (ILT): A practical guide for academic success. Greenwich, 2010.
10. Lynch L. Educational technology: The evolution of classroom technology. 2011.
11. Nystrom E. A. and John B. Beyond the Valley of the Shadow: Taking Stock of the Virginia Center for Digital History. JOLT, 1:1. 2005. Retrieved April 18, 2006. From: URL: http://jolt.merlot.org/vol1_no1_nystrom.htm
12. O'Reilly Media (2007). "About: Web 2.0 summit 2011 – co-produced by UBM TechWeb & O'reilly conferences, october 17–19, 2011", San Francisco. Retrieved 3/12/13 from|: URL: <http://www.web2summit.com/web2011/public/content/about>
13. Phyll E. Inside USC Rossier online blog: The evolution of educational technology infographic. 2012.
14. Scott J. A Tenure Reform Plan With Legs. Inside Higher Ed. Retrieved May 28, 2006. From: URL: <http://www.insidehighered.com/news/2006/01/05/tenure>
15. Siemens G. Connectivism: A learning theory for the digital age. International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. 2004.
16. Social Networking and Education. Part of the series Lecture Notes in Social Networks.– P. 225–238.
17. Surry W., Stefurak T. & Gray R. (Eds.) Technology integration in higher education: Social and organizational aspects (P. 174–187). Hershey, PA: IGI Global.

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-2-12-16>

*Kovalkova Tatiana Vladimirovna,
Ph.D. student, Department of Speech and Communication Studies,
“Minsk State Linguistic University”, Minsk, Belarus
E-mail: tatikovalkova@mail.ru*

LANGUAGE REPRESENTATION OF ELITISM IN THE IMAGE CORPORATE DISCOURSE

Abstract. The article describes the ways of language representation of elitism in corporate image discourse. It is stated that the language means are aimed at expressing an emotional coloring and helping senders achieve their communicative goals.

Keywords: language representation, language means, elitism, image discourse, formation of image.

*Ковалькова Татьяна Владимировна,
аспирант, кафедра речеведения и теории коммуникации,
«Минский государственный лингвистический университет»,
Минск, Беларусь
E-mail: tatikovalkova@mail.ru*

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭЛИТАРНОСТИ В ИМИДЖЕВОМ КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена выявлению способов языковой репрезентации элитарности в имиджевом корпоративном дискурсе. Утверждается, что языковые средства, используемые при формировании образа элитарной компании призваны придавать высказываниям эмоциональную окрашенность и выразительность, способствуя достижению адресантами преследуемых ими коммуникативных задач.

Ключевые слова: языковая репрезентация, языковые средства, элитарность, имиджевый дискурс, формирование имиджа.

Введение. Одним из элементов современной маркетинговой стратегии компании является клиентоориентированность. Промышленные предприятия учитывают потребности и желания целевой аудитории, что способствует адаптации производственного процесса к нуждам потребителей и гармонизации экономической системы в целом. Формируемый корпоративный имидж коррелирует с особенностями целевой аудитории компании. Предприятия стремятся адаптировать свой образ к стилю жизни их потенциальных кли-

ентов, превратившись, таким образом, в неотъемлемую часть существования последних. Одной из форм выражения клиентоориентированности является репрезентация элитарности, формируемая с целью солидаризации компании с высшим слоем социальной структуры общества – элитой.

Идея элитарности является объектом междисциплинарных исследований: она изучается в педагогике (Е. Ю. Самарцева, М. Ходж) [1–2], культурологии (Е. И. Тишкина, А. А. Шевелев) [3–4], философии (С. В. Дамберг, В. Е. Семенков)

[5], психологии (А. П. Авдеева) [6], политологии (Д. В. Покатов, М. Ю. Мартынова) [7; 8]. В целом, в названных гуманитарных науках элитарность рассматривается как антипод массовости. В филологических исследованиях обращает на себя внимание тенденция к изучению элитарного типа речевого поведения языковой личности в различных сферах профессиональной деятельности [9]. Тем не менее, прагматический аспект явления элитарности остается недостаточно раскрытым.

Материалом исследования послужили презентационные тексты промышленных предприятий мебельной отрасли Республики Беларусь, размещенные на корпоративных сайтах соответствующих компаний. Методом сплошной выборки нами были выделены текстовые фрагменты с коммуникативной функцией «создание образа элитарной компании». Также в исследовании был использован метод дискурс-анализа.

Результаты исследования. С точки зрения меритократического подхода, элитарная культура соотносится с «избранным меньшинством», противопоставляемым заурядной массе [10, 17–21]. «Субъекты, входящие в абрис феномена элитарности, обладают высоким творческим потенциалом, который, реализуясь в специфичных единицах элитарной культуры, в свою очередь требует от аудитории определенного уровня подготовки, работы ума и души» [11, 25].

Подчеркивание приверженности к классической традиции способствует формированию образа элитарной компании, так как «истинное качество жизни элитарный человек ищет не в модной повседневности, а в ценностях, выдержавших испытание временем» [12]: ЗАО «Молодечномебель»: *Дерево – материал долговечный, с возрастом приобретающий особую красоту, прочность и благородство. При правильной обработке и соблюдении технологии приготовления мебели из цельного дерева способна служить человеку на протяжении десятилетий и даже столетий.*

Именно поэтому «Молодечномебель» выбрала такое направление, как изготовление элитной мебели из массива дерева. Как и этот материал, предприятие с возрастом лишь хорошеет, становится сильнее и надежнее, обретает благородный блеск.

Идея приверженности к классике выражается через метонимическое ассоциирование фирмы с долговечностью материала, который она использует в качестве основного сырья (*дерево – материал долговечный, с возрастом приобретающий особую красоту; как и этот материал, предприятие с возрастом лишь хорошеет, становится сильнее и надежнее, обретает благородный блеск*) и указание на длительность срока эксплуатации товаров (*мебель из цельного дерева способна служить человеку на протяжении десятилетий и даже столетий*). Прием реализуется при помощи оценочного прилагательного долговечный, употребления ограничительной частицы лишь (*с возрастом лишь хорошеет*) и усилительной частицы даже (*на протяжении десятилетий и даже столетий*), придающих выражению экспрессивность.

Классика сопряжена с образцовостью, которая, в свою очередь, соотносится с традиционностью. Это связано с тем, что только образцовые явления культуры способны передаваться из поколения в поколение, со временем становясь традицией. Акцентуация использования традиционных способов производства способствует созданию классического образа: ЗАО «Молодечномебель»: *Не забывают специалисты «Молодечномебель» и о традиционных методах обработки дерева. В частности, часть резьбы, изготавливается руками талантливых мастеров.*

В целом идея образцовости и совершенства является неотъемлемой частью элитарности. Образцовость предприятий демонстрируется при помощи прямой (*одна из лучших мебельных фабрик РБ, общепризнанный авторитет*) и косвенной оценки (*занимает свое место на вершине; мебель в Молодечно делать умеют, и делают это*

хорошо), выражающейся превосходной степенью сравнения прилагательного *лучший*, оценочным наречием *хорошо*, фразеологизмом *занимает место на вершине*: Среди всех мебельных фабрик Беларуси ЗАО «Молодечномебель» по праву **занимает свое место на вершине**, полностью оправдывая утверждение, что мебель в **Молодечно делают умеют, и делают это хорошо**; Любая мебельная фабрика Беларуси, для того чтобы попасть в Ваше поле зрения, сделает многое. То же сделаем и мы, **одна из лучших мебельных фабрик РБ** – мебельная фабрика «Молодечномебель»; Сегодня ОАО «Гомельдрев» – **общепризнанный авторитет** в области деревообработки и производства мебели.

Особенностью элитарной культуры является стремление к идеализации всех сфер жизни. Достижение внутренней гармонии выступает важным атрибутом для представителей элиты. В связи с этим предприятия стремятся обозначить преимущества, получаемые человеком в случае приобретения продукции компании. Использование мелиоративной лексики (*здоровая атмосфера в доме, комфорт, долговечность, уют, респектабельность, надежность, уверенность*) создает ощущение приятного микроклимата в доме и сопутствующего ему чувства душевной гармонии. Употребление союза *не просто ...*, а делает второй из противопоставляемых однородных членов (атмосфера в доме) более значимым по сравнению с первым (прихоть). Таким образом, имплицитно опровергается бытующее мнение о неоправданности трат на товары класса люкс (к которым принадлежит мебель из массива дерева) и дается «одобрение» на приобретение продукции компании: ЗАО «Молодечномебель»: *Ведь мебель из цельного массива дерева – это не просто прихоть, а это здоровая атмосфера в доме, это комфорт, долговечность и уют, которые останутся с вами на годы и десятилетия. Ведь дерево никогда не выйдет из моды, как не теряют актуальность и чувство стиля, вкус, респектабельность, надежность, уверенность в своих силах.*

Элитарный образ жизни отличается «соответствием высоким этическим и эстетическим критериям» [12]. «Одной из сформулированных Чингис-ханом целей деятельности правящей элиты является удовольствие, получаемое от красоты произведений искусства» [13, 9]. Эстетика компании акцентируется благодаря указанию на красоту используемого в производстве материала (*дерево прекрасно само по себе*) и красоту готовой продукции (*стильная, изящная, великолепная в каждой линии мебель; изысканные, элегантные предметы интерьера способные оживить и украсить любой дом*). Оценочные прилагательные (*стильная, изящная, великолепная, изысканные, элегантные*) и олицетворение (*предметы интерьера способные оживить и украсить любой дом*) подчеркивают способность предприятия привлечь своих клиентов к миру прекрасного, одновременно подчеркивая их элитарный статус: ЗАО «Молодечномебель»: **Дерево прекрасно само по себе: узором, цветом, ароматом древесины можно наслаждаться бесконечно. Но в руках опытных мастеров, красота дерева преобразуется в подлинное волшебство *стильной, изящной, комфортной, великолепной в каждой линии мебели*; Сегодня «Молодечномебель» выпускает более пятисот моделей различной корпусной и мягкой мебели. Это *изысканные, элегантные предметы интерьера способные оживить и украсить любой дом.***

Признаком элитарности является избранность. Чувство исключительности у клиентов культивируется компанией благодаря индивидуализации, т.е. максимальной адаптацией деятельности компании к потребностям конкретного индивида. Для подчеркивания исключительности клиентов, компании стремятся указать на свою готовность создать оригинальную мебель для каждого. Такая тактика позволяет человеку чувствовать себя особенным, благодаря чему создается впечатление принадлежности к элитарному кругу: ЗАО «Молодечномебель»: **Большая часть всей мебели изготавливается *по индивидуальному заказу.***

С другой стороны, убеждение клиента в его способности выйти за рамки реальности, получить желаемое, не потратив ни малейшего усилия (специалисты исполняют мечту), способствует созданию у него ощущения привилегированности: ЗАО «Молодечномобель»: Просто представьте то, о чем мечтаете, а специалисты ЗАО «Молодечномобель» исполнят эту мечту.

Таким образом, репрезентация элитарности предприятия представляет собой элемент имиджевой политики современных промышленных компаний и соотносится с маркетинговой стратегией клиентоориентированности фирмы. Под элитарностью подразумевается принадлежность к элите – избранному меньшинству, противопоставляемому заурядному большинству. Элита характеризуется наличием высокого творческого потенциала, понимание реализации которого требует у адресата наличия широкого кругозора и специальной подготовки.

Формирование образа элитарной компании происходит по двум направлениям: с одной стороны, это создание образа компании, которая сама по себе олицетворяет элиту и транслирует

в общество типичные характеристики элитарности, с другой – создание образа компании, которая создана для удовлетворения потребностей элитарного социального слоя.

Языковая репрезентация корпоративной элитарности осуществляется посредством подчеркивания приверженности компании к классической традиции (выражаемой ассоциированием фирмы с долговечностью, способностью улучшаться со временем и образцовостью, соотносящейся с традиционностью), акцентуации стремления к идеализации этической и эстетической сфер жизни, культивирования у клиентов ощущения избранности и исключительности.

Языковые средства, используемые при формировании образа элитарной компании (оценочная и мелиоративная лексика; усилительные и ограничительные частицы, интенсифицирующие значение; фразеологизмы и синтаксические конструкции) призваны придавать высказываниям эмоциональную окраску и выразительность, способствуя достижению адресантами преследуемых ими коммуникативных задач.

Список литературы:

1. Самарцева Е. Ю. Идея элитарности в контексте исторического развития системы образования / Е. Ю. Самарцева // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ун-т технологий управления и экономики, 2009. – № 3 (25). – С. 50–52.
2. Ходж М. Элитарность никогда не способствовала обогащению нации / М. Ходж // Инновации в образовании. – Москва: ОАЭ, 2003. – № 6. – С. 118–119.
3. Тишкина Е. И. Бинарные сопряженные дифференциации культуры: элитарность и массовость / Е. И. Тишкина // Известия Уральского государственного ун-та: Серия 2: Гуманитарные науки. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – № 2 (76). – С. 23–30.
4. Шевелев А. А. Элитарность и эгалитаризм в современном российском обществе: теоретико-методологические основы трактовки / А. А. Шевелев // Известия Алтайского гос. ун-та. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2010. – № 2–2 (66). – С. 195–199.
5. Дамберг С. В. Исследование элиты как симптом утраты элитарности / С. В. Дамберг, В. Е. Семенов // Журнал социологии и социальной антропологии. – Санкт-Петербург: Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ, 1999. – Т. 2. – № 2. – С. 181–185.

6. Авдеева А. П. Социально-психологические характеристики элитных специалистов / А. П. Авдеева // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей междунаучно-практич. конф., – Москва, 25–27 апреля 2016 г. – Москва: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. – С. 16–20.
7. Покатов Д. В. Политическая элитарность в обществе постмодерна: опыт социологического анализа / Д. В. Покатов // Вопросы управления. – Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016. – № 2 (39). – С. 32–36.
8. Мартынова М. Ю. Элитарность как критерий отбора на управленческие позиции: современные проблемы и тренды / М. Ю. Мартынова // Элитология и стратегии развития современной России. – Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления, 2016. – С. 231–237.
9. Силантьева М. С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. С. Силантьева; Пермский национальный исследовательский политехнический университет. – Пермь, 2012. – 23 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: – Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: АСТ, 2002. – 509 с.
11. Литвинов А. А. Элитарность контркультуры панк / А. А. Литвинов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: Майкопский гос. технологич. ун-т, 2014. – № 4. – С. 25–29.
12. Люшер М. Элитарный стиль жизни: пер. с нем. (в сокр.) [Электронный ресурс] / М. Люшер // Центр имиджевой культуры «DEIMS». – Режим доступа: URL: <https://www.deims.ru/life-philos-elite.html>. – Дата доступа: 17.03.2020.
13. Поликарпов В. С. Образ жизни мировой элиты: история и современность // В. С. Поликарпов, Е. В. Поликарпова, В. А. Поликарпова. – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2015. – 280 с.

Section 2. Literature

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-2-17-23>

*Vasilevich Elena,
PhD, the assistant of the Taras Shevchenko Kiev State University
the Philology Institute the Russian Philology Department
E-mail: elena_vasilevich@yahoo.com*

THE CULTURAL GENERATION IN THE LITERARY PROCESS: ASPECTS OF SCIENTIFIC REFLECTION

Abstract. The article is based on the work of literary critics, theater scholars, cultural scientists examines the scientific reflection of the problem of generation as a sociocultural community and the literary generation. It is proved that the actualization of the problem is generated by the cultural crisis of the late XX – early XXI century. It is noted that the intensified dynamics, the change of generations occurs in all European and American literature. This process reflects a transitional artistic thinking. The dialogue between generations takes on various forms and has contrasting modalities. On the basis of scientific works devoted to Russian and Ukrainian literature of the twentieth century, the main vectors of the scientific study of the phenomenon are determined: identifying the criteria for determining the generation; creating periodization of literature based on this principle; modeling a portrait of a specific generation; Establishing a connection between generational change and the dynamics of styles.

Keywords: cultural generation, transitional thinking, cultural crisis, style, hero of a generation.

*Василевич Елена,
к.филол.н., ассистент кафедры русской филологии
Института филологии Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко
E-mail: elena_vasilevich@yahoo.com*

КУЛЬТУРНОЕ ПОКОЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. В статье на материале работ литературоведов, театроведов, культурологов рассматривается научная рефлексия проблемы поколения как социокультурной общности и литературного поколения. Доказывается, что актуализация проблемы порождена культурным кризисом конца XX – начала XXI века. Отмечается, что усиленная динамика, смена поколений

происходит во всех европейских и американской литературах. Этот процесс отражает переходное художественное мышление. Диалог между поколениями обретает различные формы, имеет контрастные модальности. На основе научных работ, посвященных русской и украинской литературам XX века, определяются основные векторы научного изучения феномена: выявление критериев определения поколения; создания периодизации литературы на основе этого принципа; моделирование портрета конкретного поколения; установление связи смены поколений с динамикой стилей.

Ключевые слова: культурное поколение, переходное мышление, культурный кризис, стиль, герой поколения.

Цель настоящей статьи – исследование концепций и гипотез ученых о формировании, смене поколений творцов в искусстве и определение перспектив изучения современного литературного процесса в данном ракурсе.

Культурно-исторические потрясения рубежа XX – XXI столетия стимулировали самоопределение писателей, в том числе и поколенческое, показали ускоренную динамику смены культурных поколений. Формирование и столкновение различных поколенческих программ ускоряется и обостряется именно в ситуации переходности: «История смены поколений подразумевает не благостную безмятежную картину преемственности, но борьбу, конфликт, противостояние, состязание, что особенно проявляется в переходные исторические эпохи» [7; 5].

Эти явления отразились в литературе и, собственно, в ней обрели легитимность. Показательный образный пример – герой романа Виктора Пелевина (лидера «поколения 90-х») сравнивает смену культурных парадигм со взрывом в душе. То есть, старая картина мира распалась, человек дезориентирован и актуальным становится поиск нового себя и определение параметров иной картины мира. Писатели предлагают свои художественные обобщения данного феномена и вступают в диалог. В этом отношении показательна авторская интерпретация молодой генерации в романе В. Пелевина «Generation «П», возникшая в споре со знаковым текстом Дугласа Коупленда «Поколение X». К спору

подключились и молодые – «двадцатилетние» прозаики и поэты.

Ученые предлагают свои интерпретации феномена в рамках широко спектра наук – социологии, культурологи, демографии, биологии, искусствознания и, конечно же, литературоведения, поскольку культурная идентичность генерации манифестируется в текстах. По справедливому замечанию культуролога А. М. Безгрешновой, «выделение сущностных черт поколения возможно только в теоретических абстракциях и в произведениях искусства» [2; 209].

В кругу рассматриваемых проблем доминирует поиск определений литературного поколения. И здесь намечаются существенные отличия именно культурологических и литературоведческих подходов от тех, что предложены демографией, биологией и другими областями знания.

Культурное поколение понимается как «часть общества, объединенная общностью времени вступления во взрослую жизнь, осознавшая себя как особое целое и признанная в этом качестве всем обществом, сформировавшая специфический социо-культурный универсум (систему эстетических предпочтений, стиль жизни, дискурс, жизненный сценарий), преломившая в специфическом, присущем поколению, как актуальные проблемы эпохи, так и универсальные характеристики отечественной культуры» [12, 113].

При этом, соотнося критерий культурного поколения и чисто возрастные рамки (годы рождения сверстников), исследователи часто отмечают

неполное совпадение, то есть размытость рамок культурного поколения, связь между личностями определяет не возраст, а похожая интерпретация мира. Вот как писал об этом Б. М. Эйхенбаум: “Не всегда возрастная разница ощущается как разница поколений. Исторический возраст поколений бывает различным. Пушкин и Гоголь, несмотря на разницу в десять лет, не чувствовали себя людьми разных поколений... С другой стороны, почти такая же разница между Пушкиным и Жуковским (тринадцать лет) была разницей поколений, потому что середина двадцатых годов оказалась исторической границей” [11, 196].

Границы поколений определяются соединением двух параметров – временного и семантического. Семантический, то есть, видимо, идейная самоидентификация, ощущение собственной новизны и, возможно, миссии, формируется крупными историческими событиями и общей сменой культурного контекста, его эпохальными сдвигами.

Культурное поколение, в отличие от демографического, биологического, формируют крупные, эпохальные события, осознание которых подталкивает к созданию специфической картины мира, которая спланирует эту общность, а затем реализуется в художественных текстах. На эту поколенеобразующую особенность обращают внимание М. Чудакова, Н. Хренов, И. Яковенко, П. Черносвитов и др., ставящие проблему определения факторов формирования генераций.

Схожим принципом руководствуется и Яковенко И. Г., выделяя культурные поколения в русской истории. Культурные генерации, по мнению ученого, формируются не каждые 25 лет, а по иной логике. “Новые поколения возникают в переломные, кризисные эпохи, когда пресс государственного нивелирования ослабевает, максима “шаг вправо, шаг влево считается за побег” временно утрачивает свою актуальность и возникает потенциальная возможность переменного поведения, возможность сколько-нибудь нетривиальной самореализации” [12, 113]. На

этом основании, например, ученый выделяет поколение Петра I, поколение Екатерины Великой, декабристов, шестидесятников XIX века, но отказывает в подобном единстве людям эпохи Николая I и Александра III.

В рамках нашей темы важно, что по этим же показателям выделяются поколения XX века. Это поколение Серебряного века, поколение переворота 1917 года и гражданской войны, генерация Второй мировой войны, шестидесятники, семидесятники (“поколение дворников и истопников”) и, наконец, “новые русские”. В рамках темы нашего исследования важно, что ученый выделяет молодое поколение и обосновывает базу его мировоззренческого единства. “Крах советской системы в очередной раз возвестил о рождении новой реальности. Так называемые “новые русские” демонстрируют все признаки поколения. Интеллектуалу, готовому брезгливо поморщиться при упоминании “новых русских”, можно напомнить о том, как смотрелись люди Гражданской войны из пространства поколения Серебряного века. Согласно социологическим исследованиям, средний возраст нового русского составляет 35–40 лет. Иными словами “новые русские” лишь на 10–15 лет моложе среднего представителя “поколения истопников”. Это наблюдение еще раз указывает нам – культурные поколения появляются в России не в логике интераций перехода от отцов к детям, но как результат крупных социальных преобразований” [12, 115].

Подобный подход к определению параметров поколения сейчас можно считать доминирующим. Исследователи выстраивают цепочку: социальное и культурное потрясение – смена картины мира – появление культурного поколения. Так, П. Черносвитов подчеркивает, что “если “эпоха социального слома” есть, прежде всего, смена идеологической части “картины Мира” данного социума, причем именно в части провозглашаемых ею главных социальных и культурных ценностей, то результатом этого слома по определению будет смена культурных поколений” [8, 297].

Обратившись к современному материалу, отметим, что ряд критиков не предполагают появления нового поколения в русской литературе потому, что, якобы, оно сформировалось во времена не героические. Оспаривая подобную позицию, А. Мережинская настаивает на том, что поколенеобразующим может стать и ощущение общего культурного сдвига, проявлений переходности, которые формируют общие настроения (они могут быть протестными либо наступательными), общую идеологию, картину мира, понимание своей новой роли, миссии. Так, “поколение Икс” в американской и западноевропейской литературе формировали кризисные явления 1990-х и первая американо-иракская война в Заливе (“поколение Гольф”). В русской литературе его появление, по мнению исследовательницы, обусловлено еще более масштабными причинами. Отвечая критикам, исследовательница подчеркивает: “Ущербность подобной позиции заключается не только в недооценке масштабности исторических и социальных сдвигов 1990-х, но и в требовании неопременного позитива как критерия формирования идеологии. А ведь главная установка может быть и протестной (что, например, отразилось в творчестве предшественников – “поколения дворников и сторожей” – Вен. Ерофеева, В. Маканина, А. Вампилова, А. Кима) либо и вовсе специфической – переходной, отражающей ситуацию разлома и перепутья” [4, 269].

Литературоведы подчеркивают особое значение не только социальных, культурных потрясений, но и имманентных законов динамики искусства слова в формировании поколений. Центральной и в этом случае оказывается картина мира и художественный инструментарий ее создания, а механизм – это противоборство традиции и новизны, эксперимента, это “сдвиг”, по Тынянову. Знаменательно, что именно тыняновский подход к интерпретации смены литературных поколений оказывается востребованным и в современных работах. Так, К. Г. Исупов, обращаясь к мифологии,

используемой и творимой поколениями, опирается на модель, предложенную Тыняновым, и подчеркивает глубинный, архетипический характер “преемства” и борьбы литературных “отцов” и “детей”. По мнению ученого, еще в книге 1929 г. “Архаисты и новаторы” Тынянов обратился к той же логике, что и историк Д. Тойнби – к выделению оппозиций “молодое” / “старое”, “архаизм” и “футуризм” как типов разрыва со временем”. Отметим, что зачастую к группе “архаистов” относятся и молодые по возрасту люди, то есть культурное поколение, действительно, формируется не исключительно по принципу сверстничества. Важной проблемой является *создание периодизаций развития литературы на основе поколенческого принципа*. Исследователи отмечают, что опыт подобных периодизаций имеется. В качестве примера называют работу Н. Бердяева “Русская идея”, в которой философ и писатель рассматривает динамику национального самосознания от поколения к поколению мыслителей XIX века. Показательной в этом плане считают и статью В. Ключевского “Евгений Онегин и его предки”, в которой поднимается вопрос о самоидентификации поколений и ориентации людей определенных исторических периодов на художественные образы как модели собственной идентификации.

Попытки периодизации по этому принципу предпринимает М. Чудакова по отношению к русской литературе 1-й половины XX века (статья “Заметки о поколениях в советской России” [10, 1998], “Опыт историко-социологического анализа художественных текстов” [9, 1985]). Материалом исследования служат художественные тексты и различные способы самоидентификации, в частности, зафиксированные в автобиографиях, анкетах и др.

Л. Аннинский в таком же ключе пытается интерпретировать русскую литературу второй половины XX столетия и нового переходного рубежа (статья “Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники” [1, 1991]).

Вариацией решения проблемы периодизации является создание портрета конкретного поколения в контексте борьбы нового со старым, формирования инновационных проектов. В таком ключе в книге М. Берга “Литературократия” характеризуются три поколения, объединенные не столько возрастными, сколько семантическими параметрами. Первое – периода революции. Писатели создавали проект “утопического реализма” как антропологического эксперимента по переделке человека, создали язык “не описания мира, а инструмент переделки реальности” [3; 56].

Второе – периода “оттепели”. Писатели воплощали кризис предыдущего проекта, его исчерпанность, автоматизацию приема и растерянность перед необходимостью создать новый проект. “Шестидесятники”, в трактовке М. Берга, вели диалог с предшественниками – “поколением отцов” и присваивали “символический капитал” ставшей доступной части западной литературы [3, 79]. Третье – это поколение периода постмодернизма 1970-х-1980-х годов. Именно оно, с точки зрения ученого, предложило инновационный проект, резко отличный от утопического реализма, новые модели авторского поведения, художественные стратегии и др.

И. Г. Яковенко в схожем ключе рассуждает о динамике поколений как о смене картин мира, культурных проектов. Центральным в исследовании становится социокультурный портрет “шестидесятников”, в котором акцентировано “новое, рожденное во второй половине XX века мироощущение” [12, 121], образ жизни, его стиль, идеи, эстетические пристрастия (культ искусства и культуры Серебряного века, табуированных художественных открытий 1920–1930-х годов).

Отметим, что поколенческий принцип периодизации активно используется на более локальном уровне по сравнению со всей историей литературы – в частности на уровне динамики стиля. Так, Жан Бодрийяр предложил модель развития постмодернизма по поколениям (Baudrillard,

1994). Она используется (в комбинации с другими факторами) в некоторых классификациях русского постмодернизма. Например, И. Скоропанова строит свою типологию русского постмодернизма, соединив два принципа – поколенческий и качественных различий отдельных течений внутри стиля. Предлагается следующая классификация: первый пласт – это произведения представителей “неофициальной культуры” конца 1960-х – первой половины 1980-х годов (А. Терц, А. Битов, Вен. Ерофеев, Д. А. Пригов, Е. Попов, Вик. Ерофеев, М. Берг), другой – литература русского зарубежья (И. Бродский, С. Соколов, З. Зиник, А. Жолковский, И. Померанцев), а третий – “писатели нового поколения, которые обратились к постмодернизму во времена гласности (Д. Галковский, В. А. Пелевин, Е. Радов, Ю. Буйда, А. Королев, М. Шишкин, И. Яркевич, В. Степанов, А. Добрынин, Ю. Малецкий, А. Уткин и др.)” [6, 57]. Отметим, что названные писатели “нового поколения” рождены в 1950-е–1960-е годы. На смену им сейчас пришло другое поколение, именуемое “поколением 1990-х”, которое к постмодернистским установкам относится уже критически, более того, смена этого эстетического проекта рассматривается зачастую как один из признаков данной новой общности.

По отношению к украинской литературе “разделение на генерации” при изучении постмодернизма оказалось предметом острых дискуссий. Так, Т. Гундорова отказывается от поколенческого принципа периодизации, использованного составителями энциклопедии “Плерома”.

Актуальной остается проблема взаимоотношений и взаимодействия поколений в синхронном срезе литературы. Видимо, формы диалога усложняются в переходные периоды, когда общим для всех становится переживание перемен и каждая генерация может предложить свой код художественной интерпретации «перевернувшегося» мира.

Первые попытки создания такого многокомпонентного «ландшафта» уже предпринимаются на

материале современной литературы, однако их результаты дискуссионны. К подобным смелым опытам можем отнести работу украинского исследователя и молодого драматурга (что особенно важно, поскольку отражает творческую авторефлексию поколения) Надежды Мирошниченко. Используя классификацию поколений XX века, предложенную американским психологом Аланом Миссом, Н. Мирошниченко налагает поколенческую «сетку» на современную украинскую драматургию, стремясь показать разницу между «поколением V» или «молчаливыми» (годы рождения 1923–1942); «поколением W» – «бумерами» (1943–1963 гг.), «поколением X» (1963–1982 гг.), «поколением Y» и, наконец, самыми молодыми – «поколением Z», чей художественный опыт пока не оценен. В качестве критериев предлагаются возрастной и семантический – отношение к идеологии, семейным ценностям, национальной самоидентификации, а также понимание сущности и роли искусства. Перспективой такого исследования, по мнению Н. Мирошниченко, может стать описание «сверхструктуры», которая возникает от соединения мировоззрения разных поколений, причем именно в национальных литературах, в данном случае – в украинской [5, 58]. Задача пока только поставлена. Но очевидно, что «подфоническая структура» будет отражать ситуацию смены парадигм. Исследовательница акцентирует лишь один аспект такого «перехода», связанный, на наш взгляд, с возвратом модернистских представлений о силе и возможностях переделки мира искусством – «художественный переход от мира, нормированного внешними факторами, к миру, ко-

торый признает только собственный закон творческой личности» [5, 85]. Переходность же, как представляется, реализована в современной литературе намного шире, и сложное взаимодействие поколенческих программ и картин мира соединяет ряд факторов: пересмотр ориентиров, рефлексия культурного кризиса и поиск путей выхода из него.

Выводы. Исследователи признают тот факт, что культурные поколения манифестируют свою картину мира в литературе, делая легитимной собственную культурную программу и осознавая свою специфику и миссию.

Динамика смены поколений усиливается в переходные эпохи. В эти периоды обостряются процессы самоидентификации, а диалог между генерациями обретает различные формы и модальности.

Научная рефлексия обнаруживает несколько векторов: а) поиск критериев определения поколения и попытки дать дефиницию феномену; б) создание периодизации литературы (в частности русской XIX и XX веков) на основе поколенческого принципа; в) моделирование портрета поколения на базе разных подходов; г) соотнесение формирования поколения со стилевой динамикой, в частности, постмодернистским и постпостмодернистским художественным мышлением.

Не решенными, актуальными задачами являются: описание форм и векторов диалога разных поколений в современной литературе; определение особенностей переходного мышления рубежа XX – XXI вв. в произведениях писателей разных генераций; выявление сходств и различий мировоззренческих и эстетических программ в творчестве «поколения 1990-х» в разных национальных литературах.

Список литературы:

1. Аннинский Л. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники // Литературное обозрение. 1991. – С. 10–14.
2. Безгрешнова А. М. Смена поколений как социокультурная проблема (К истории изучения) // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. Ред. Н. А. Хренов: Гос. Ин-т искусствознания М-ва культуры и массовых коммуникаций РФ; Науч. совет «История мировой культуры» РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 204–237.

3. Берг М. Деконструированный постмодернизм и поле массовой литературы // берг м. литературократия. проблема присвоения и перераспределения власти в литературе.– М.: Новое лит. обозрение, 2000.– 56 с.
4. Мережинская А. Ю. «Поколение 90-х» и «двадцатилетние». типологические черты литературного направления. статья первая // Русская литература. исследования: сб. научных трудов / Киев. нац. ун-т им. тараса шевченко: ин-т лит-ры им. т.г. шевченко. Редкол.: А. Ю. Мережинская и др.– К.: «спд Карпук с.В.», 2009.– Вып. 13.– 280 с.
5. Мірошниченко Надія. Сучасна українська драматургія в контексті поколінь // Кузбасівські читання: Науковий вісник / Держ. Центр театр. Мистецтва ім.. Леся Курбаса; Редкол. Н. Корнієнко (голова) та ін.– К.: [ДЦТМ ім. Леся Курбаса], 2006.– № 1: [Театр: континуум, коди, парадокси і інтерпретації] – С. 56–85.
6. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: Новая философия, новый язык.– минск: институт современных знаний, 2002.– С. 57–59.
7. Хренов Н. От ответственного редактора // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н. А. Хренов: Гос. Ин-т искусствознания и массовых коммуникаций РФ; Науч. совет «История мировой культуры РАН – М.: Наука, 2005.– С. 5–15.
8. Черносивтов П. Ю. Поколенческая и субкультурная динамика в эпоху социального слома // поколение в социокультурном контексте хх века / отв. ред. Н.а. хренов; гос. ин-т искусствознания м-ва культуры и массовых коммуникаций РФ; Науч. совет «история мировой культуры» Ра Н.– М.: Наука, 2005.– 297 с.
9. Чудакова М. О. Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998.– №. 30.
10. Чудакова М. О. Опыт историко-социологического анализа художественных текстов // чтение: проблемы и разработки.– М., 1985.
11. Эйхенбаум Б. М. Лев толстой: Книга первая. 50-е годы.– Л., 1928.– 196 с.
12. Яковенко И. Г. Механизмы культурной динамики и смена поколений // поколение в социокультурном контексте хх века / отв. ред. Н.а. хренов; гос. ин-т искусствознания м-ва культуры и массовых коммуникаций РФ; Науч. совет «история мировой культуры» Ра Н.– М.: Наука, 2005.– 113 с.

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-2-24-29>

Griva Anna,
Phd Candidate, Faculty of Italian Language
and Literature, School of Philosophy, National
and Kapodistrian University of Athens
E-mail: annagriva@hotmail.com

ASPECTS OF APHRODITE IN SAPPHO'S FR. 2

Abstract. In this article the Sapphic fragment 2 (Lobel-Page 2/ Voigt 2) is considered under investigation. In this fragment the poetess is addressed to Venus, invoking her to appear in front of a group of her adorers. Through this poem various views of the goddess are detected, which are not directly visible in a general reading, such as her relation to the regenerative powers of the nature (Aphrodite Antheia), as well as to the death. It is also attempted an interpretation of the elements mentioned by the poetess in the frame of the ceremony (apples, roses, leaves, nectar), as well as the meaning of the presentation of the goddess as cupbearer in the end of the fragment, with a parallel reading of the Sapphic fragment 141 (Lobel-Page 141). In this frame the Sapphic poetry is illuminated through the ceremonial nature of the archaic period and its extensions to the religious and spiritual level.

Keywords: Sapphic fragment 2 (Lobel-Page 2/ Voigt 2), Aphrodite Antheia, archaic Greek ceremonies, Sapphic fragment 141 (Lobel-Page 141), symbols of Aphrodite.

In fragment 2 (Lobel-Page 2/ Voigt 2) Sappho calls Aphrodite in a temple probably dedicated to her:

..ὄρράνοθεν
...κατίοι[σα

δεῦρυ μτμ' ἐς Κρητας .π[]ναῦον
ἄγνον, ὄππ[αι δῆ] χάριεν μὲν ἄλσος
μαλί[αν], βῶμοι †δ' ἐνι θυμιάμε-
νοι [λι]βανώτω.

ἐν δ' ὕδωρ ψῦχρον κελάδει δι' ὕσδων
μαλίνων, βρόδοισι δὲ παῖς ὁ χῶρος
ἐσκίαστ', αἰθυσσομένων δὲ φύλλων
κῶμα †κατέρρ[ει].

ἐν δὲ λείμων ἰππόβοτος τέθαλε
ἠρινίοισιν ἄνθεσιν, αἰ δ' ἄνητοι
μέλλιχα πνέοισιν
[]

ἔλθε δὴ σὺ στέμ[ματ'] ἔλοισα Κύπρι,
χρυσίαισιν ἐν κυλίκεσσιν ἄβρωσ
ὄμ[με]μείχμενον θαλίασι νέκταρ
οἶνοχόαισον

[descending
from heaven

come to me from Crete here in this
bright temple, in a pleasant grove
of apple trees, where incense is always burnt
in the altars

and gentle water gurgles
through the trees; and all the place is covered
by the shadow of roses; and from the rustling
leaves
sleep is dropping

here the meadow where the horses graze is full of
vernal flowers and the breezes blow always gently

Aphrodite come,
offering with grace in golden
calyxes mixed nectar
to the fellow drinkers]

Here a ritual is meant: incense is burnt in the altars, while Aphrodite is invoked by the poet, as in the case of celebrations in favor of the gods. The greatest part of the surviving poem concerns the description of the natural landscape. We could interpret this description as an exaltation of the goddess in the context of the ceremony, since Aphrodite bears, among other properties, the cognomen *Antheia* (Ἀνθεῖα). Aphrodite *Antheia* is connected to the vegetation and the beauty of the nature; it would be thus reasonable to assume that what is described is an effect of her own influence on the cycle of seasons and the blossoming. Sappho mentions Crete, aiming probably at the specification of the goddess' relevant role: Aphrodite *Antheia* was worshiped in Knossos and was connected to the cycle of vegetation: Hesychius provides this information in his dictionary, in the entry "Antheia" (for more information about *Antheia* [9, 58–62]). The Cretans claimed that Aphrodite was first worshiped in their island (Diod. Sic. 5.77.4–5). It is also characteristic that one of the Graces, which was the goddess of flowers and wreaths that were worn in the ceremonies, was called *Antheia*. Aphrodite *Antheia* was a symbol of vegetation and withering, as well as of life and death; thus from this view she was connected to the worship of Adonis (see Sappho's poem about Adonis' death: Voigt 140?). Since it is assumed that her origin is eastern, she has been related to the eastern deities, who are associated with the cycle of seasons and are symbolized by the dove, the myrtle, the apple, the poppy and the rose [16, 209]. Burkert [1, 1–6] stresses the influence of the East in the Greek religion and more specifically in the worships of Aphrodite, basically

during the 8th century AD, when archaic Greece adopts eastern elements due to the contact with the Neo-Assyrian Empire. Inanna, goddess of fertility and love, can be related to Aphrodite due to the fact, among others, that the Assyrians name the planet that the Greeks called Aphrodite after her. This reveals an interaction between different religious beliefs [6, 138–139].

In the current poem, both the apple and the rose are mentioned; in this way the connection of Aphrodite to the rituals of vegetation is validated. As far as the apple is concerned, we could remark that it appears as a symbol not only of the vegetation but also of the beauty, as it is evident in the myth of Paris, where this fruit constitutes a beauty prize. Accordingly, a connection of nature's powers of vegetation and rebirth to the idea of beauty can be seen. The fact that Paris is expected to receive an erotic trophy, after his offer of the apple, reveals the existence of a triptych of powers: love – vegetation – beauty. This triptych can be easily understood if it is corresponded to the triptych: cosmogonic powers – fertility – harmony of the natural world. Love is related to the power of every creation. Vegetation denotes the becoming (γίγνεσθαι) of the world before it comes into being (εἶναι). Beauty is the result, the ultimate perfect form of the world. Consequently, the apple's symbolic function is important for the understanding of the symbolization of Aphrodite in this poem: the apples of the Hesperides, for example, are involved in events related to cosmogonic unions (the apple trees that produced them were Uranus' wedding gift to Zeus and Hera), to the preservation of the cosmic natural order (which was almost overturned in the case of Heracles) or to love stories (as is the case with Atalanta, where the apples are the beginning of the love story with Hippomenes or Melanion). That is to say, they are always connected to situations of the triptych cosmogonic power – fertility – harmony of the natural world. Apart from that, in Alcinous' legendary garden, in the island of the Phaeacians, which constitutes a microcosm of harmony, there

are «μηλέαι ἀγλαόκαρποι» [apple trees with shiny fruits] (Od. 7, 115).

So, the surviving fragment, by insisting on the description of the natural landscape, makes us think of the literary device that has been called *ἔκφρασις* [*ekphrasis*], which flourished during the Hellenistic period: these expressive techniques consist in rhetorical descriptions of works of art and frame the protagonists' action. In other cases, these digressions consist in the description of natural phenomena, exotic animals and plants or they examine natural functions of man's body and soul, such as crying, kiss or love [5, 68–69]. Here, of course, we are not presented with a description of a work of art; nevertheless, the landscape and its harmony are similar to the description of a painting. The representation of natural elements in Sappho as well as the *ἔκφρασις* or the digressions-descriptions in the Hellenistic novel, should be considered not as a decorative description but as an essential element of the literary work: that is to say, just as in the Hellenistic novel the aforementioned components frame the action of the couple until the final union, so in Sappho's poem the description frames again a nucleus in the center of which love is situated, since it is about the goddess who represents the cosmogonic powers that through union bring about creation. So, Sappho's singular art in this fragment consists in the fact that the description is assimilated into the context of the specific action of the characters, leading in the same time the reader to the center of the poem, that is to say to the complex role of the goddess Aphrodite. We could claim the same about the Homeric descriptions that do not just play a decorative role or a role of a "break" in the context of the continuous action of the epic, but function as well as a means for the action, the motives and the personality of the characters to be better understood or in order for a crucial information to be given, sometimes outside the frame of the main action of the epic (see Od. 5, 66–85: the description of Calypso's island shows Ulysses' ethos, his persisting choice to return home despite the charms of the is-

land. What is more, the description of Achilles' shield offers a complete view of the world).

Apart from the apple, there are specific elements of the *ἔκφρασις* that are vital for the understanding not only of the poem but of the general worshipping reality of the era as well. The poet has the leaves dripping sleep to the attendants. The word used for sleep is "κῶμα"; we are thus presented with a state in which one comes due to some supernatural influence: as Page writes "... a state of trance or coma induced by the sound of the water and the rustling leaves" [12, 37]. Since Aphrodite is the one who displays her power through nature, we come to the conclusion that the leaves are in fact a metonymy for the goddess herself. So, while she is worshiped, Aphrodite does not hesitate to attend the ceremony by affecting the state of her worshipers. "Κῶμα" is a gate that leads to another dimension, as for example when one, being hypnotized or in a state of ecstasy, experiences another reality which in various religious or spiritual contexts is regarded as more "real" than the one perceived by our senses. For example, the worshipers of Asclepius were able to see the appropriate treatment while in a state of hypnosis, that is to say to understand the disease's true nature and to deal with it. A similar case is divination, where the seer, in an ecstatic state, discovers the truth of the present and the future.

The rose is also a basic symbol of Aphrodite: symbol of beauty for the ancient Greeks, but symbol of death and rebirth for the Romans: during Rosalia, which they were held in May, the Romans used roses as a symbol of nature's rebirth and the remembrance of the dead. The roses' red or purple color recalled the color of blood, in a kind of appeasement. In ancient Greece, Aphrodite is connected to the underworld too: let us not forget the important role of Aphrodite as goddess-threnodist, a role more apparent in the traditions about Adonis, a god whose rituals were connected to the ritualistic lament [3, 637]. What is more, many ancient goddesses who shared common features with Aphrodite were depicted as great mourners. It is said that Inana's laments for the

death of Dumuzid shook the foundations of heaven. In the Canaanite tradition Anat's laments for Baal are proverbial, while according to the Egyptian tradition Isis wandered inconsolable throughout the world looking for Osiris' remnants. Death is part of the regenerative circle of nature and not an end; consequently, it befits the goddess of love and cosmogonic powers to have also a side related to the underworld. In this way, the beauty and the circle of seasons are combined through the rose, as befits the subject of a poem at the center of which Aphrodite Antheia is placed.

What is more, the water and the wafts of air have a magical function just as the leaves that cause sleep. All the elements, the air, the water, the earth and the fire – the last two as they reside in vegetation which is the result of the interaction between soil and sun – take part in the state of drunkenness, of the “holy sleep” which takes hold of the worshipers of the goddess.

The poem ends with an exhortation to the goddess to reveal herself to the table of the fellow drinkers that revere her. The presence of the goddess at the table evokes *θεοξένια* [*theo xenia*], in which the worshipers of the goddess believe that she is among them, invisible, during the meal. According to the traditions of the Greeks, every stranger was potentially a disguised god. That is why hospitality, by offering meal, was considered a main element of piety towards gods. *Θεοξένια*, as events in honor of the gods, are a remote consequence of the belief that the gods reveal themselves during a meal. The most well known *θεοξένια* were held at Delphi, but the case of *θεοξένια* in honor of Dioskuri in Paros and Acragas is distinctive since the gods themselves were believed to be guests. Similarly, in Xenophanes (1.6) the god presides over the symposium held in honor of him (for *θεοξένια* see also [7, 145–176]). Lidov [10, 100] claims that the presence of the goddess is not to be taken literally. But if we take into account the Greeks' aforementioned beliefs it is not strange for the worshipers to enter a psychological state in which they truly “see” the gods. Even in the

case where, in the poem, the goddess' presence is a worshiping representation (see the Sapphic fr. 140 who refers to the death of Adonis) we should accept that, in this moment, the mortal man or woman who represents god becomes god, becomes what he/she pretends to be (for more information about that see [14, 130–139]). In the case of Sappho, though, the goddess shall not remain unseen; she shall be the one who shall be treating the fellow drinkers, she shall be the cupbearer. The cupbearers were often related to beauty. For example, Zeus' favorite cupbearer is Ganymedes, famous for his beauty. In the Iliad 1 (494–612) the scene with Hephaestus as a cupbearer constitutes a parody of Ganymedes' role: in this case, the comic element consists in the reversal of the established image of the beautiful cupbearer. Similarly, Hermes appears as a cupbearer in another fragment of Sappho:

κῆ δ' ἀμβροσίας μὲν
κράτηρ ἐκέκρατ'
Ἔρμαις δ' ἔλων ὄλπιν θεοῖς ὠνοχόαισε.
κῆνοι δ' ἄρα πάντες
καρχάσι' ἦχον
κάλειβον ἀράσαντο δὲ πάμπαν ἔσλα
τῷ γάμβρω.

(Lobel-Page 141)

[Ambrosia was mixed
in the krater
Hermes took and filled gods' glasses.
Everyone was holding the cups
they were making libations and wished
to the groom every good]

In this case, Hermes treats the gods who obviously attend a wedding. In this case, of course, we cannot conclude whether this is a wedding of gods or of mortals, in which case the gods are present in the context of *θεοξένια*. If the latter is true, we are obviously presented with a poem that can fall under

the category of Sappho's *epithalamia*: the gods are present, they bless the wedding, but they keep their distance from men: they have their own god – cup-bearer who treats them exclusively, they eat their own food and the only thing that unites them with men at the shared table is the blessing of the wedding and the gods' wishes.

In fr. 2, though, the originality of the poet consists in the fact that in the context of *θεοξένια*, not only does the goddess reveal her presence or enjoys the mortals' offerings but she also plays an active role, she gets directly involved with men, she becomes their cupbearer, she offers them a requital for their piety: the goddess offers a precious exchange, since she offers nectar which causes drunkenness and refers to the gods' nectar. So, Aphrodite brings about drunkenness to the drinkers. In the Orphic *Hymn to Hermes* the Muses come to a similar state of drunkenness when feed on some sort of nectar, which is brewed honey (l. 550–563): then, in an ecstatic state, they declare the truth. That is to say, the consumption of nectar might symbolize an ecstatic divine state during which one can see the truth behind appearances (see Pind. Ol. VII, 8-10, where the poet offers nectar as a gift from the Muse). The fact that it is the Muses who consume this substance indicates their close connection to poetry and the possibility of the revelation of divine truths. In this ceremony too, then, Sappho's song plays a crucial role to the revelation of the divine.

Drunkenness can be thought of as a kind of mania that leads the worshiper outside the daily regularity. Apart from that, a kind of theosis through drinking is implied at this point. The offering of the nectar (cf. fr. 141 (Lobel-Page), where Hermes offers ambrosia to the gods, stirring it in the krater) could be symbolically interpreted as follows: during the ceremony, the participants experience god's essence, symbolized in the poem by nectar; this recalls the holy eating of the gods: according to Euripides, in

his work *The Bacchae*, the Maenads used to go to the mountains holding thyrsi and torches, dancing frantically, singing religious hymns and screaming wildly. There they used to hunt small animals (deers, goats, bulls, serpents etc.) which, after having caught them, they would dismember while alive with their bare hands (as Agave did to Pentheus, thinking he was a lion) and then they would eat them raw. Raw foodism is interpreted as the culmination of a holy mystery according to which the worshipers of god Dionysus believed that the god assumed the form of various animals, attending in this way the mystery himself as well. Dismembering and raw foodism was thus equivalent to the eating of the gods. This practice can be found in mythology where the myth of the devouring of the baby Dionysus, who had assumed the form of a goat or a bull, by the Titans after Hera's order is represented (for the eating of the gods see [8] and [17]). Behind the symbol, then, a deep spiritual and psychic process is concealed.

Finally, the man in the poem comes into a divine state in which he can discover the goddess' true nature which in this case is about the triptych love – circle of nature – beauty. Besides, the mysteries are traditionally related to the aforementioned elements whose philosophical aspect has been analyzed above: the initiates participated in allegorical representations concerning the myth of a goddess who usually would die and be reborn and used to symbolize the soul's destiny after death and in the same time the law and the unity-harmony that connect all beings. The initiates believed that during the ceremonies not only was the goddess present but also that they were somehow themselves part of the divinity. Plotinus explains (*Enneads*, VI.9, 11.5–15):

Ἐπεὶ τοίνυν δύο οὐκ ἦν, ἀλλ' ἐν ἧν αὐτὸς ὁ ἰδὼν πρὸς τὸ ἐωραμένον, ὡς ἂν μὴ ἐωραμένον, ἀλλ' ἠνωμένον

[There were not two; the one who saw was one with what he saw; it was not a vision but a union].

References:

1. Burkert W. *The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age*, trans. Margaret E. Pinder & Walter Burkert, Harvard University Press. 1992.
2. Diels H. - Kranz W. *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Weidmann, – Berlin. 1951.
3. Farnell L. *The Cults of the Greek States*, – Vol. II. New Rochelle. 1977.
4. Graf F. *Rituals of Purification, Rituals of Initiation, Ablution, Initiation, and Baptism: Late Antiquity, Early Judaism, and Early Christianity*, Walter de Gruyter. 2011.
5. Hagg T. *Το αρχαίο μυθιστόρημα, μτφρ. Τζένη Μαστοράκη & Γιώργης Γιατρομανωλάκης*, ΜΙΕΤ. 1992.
6. Jacobsen T. *The Treasures of Darkness: A History of Mesopotamian Religion*, Yale University Press. 1976.
7. Jameson M. H. *Cults and Rites in Ancient Greece: Essays on Religion and Society*, Cambridge University Press. 2015.
8. Kott J. *Θεοφαγία. Δοκίμια για την αρχαία τραγωδία, μτφρ. Αγγέλα Βερνκοκάκη – Αρτέμη, Εξάντας*. 1993.
9. Kraemer R. S. *Women's Religions in the Greco-Roman World: A Sourcebook*, Oxford. 2004.
10. Lidov J. "Songs for Sailors and Lovers", in: A. Bierl - A. Lardinois, (Ed.). *The newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, Frs. 1-4*, Brill, 2016. – P. 55–109.
11. Page D.L. *Lobel E. Poetarum Lesbiorum fragmenta*, Oxford. 1955.
12. Page D. *Sappho and Alcaeus: an introduction to the study of ancient Lesbian poetry*, Clarendon Press. 1959.
13. Page D. L. *Poetae Melici Graeci*, Oxford. 1966.
14. Pirenne-Delforge V. "Greek priests and "cult statues": In how far are they unnecessary?" in: *Divine Images and Human Imaginations in Ancient Greece and Rome*, Joannis Mylonopoulos (ed.), Columbia University, 2010. – P. 121–141.
15. Voigt E.-M. *Sappho et Alcaeus: fragmenta*, Amsterdam. 1971.
16. Willetts R. F. *The Civilization of Ancient Crete*, University of California Press. 1977.
17. Νικολαΐδης Ν. - Σαββόπουλος Σ. *Θεοφαγία*, Εκδ. Εστίας, Αθήνα. 1994.
18. Παπαδίτσας Δ.Π. – Λαδιά Ε. *Ορφικοί ύμνοι*, Imago. 1983.

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-2-30-34>

*Poliakova Yevheniia Olegovna,
PhD student, V.N. Karazin Kharkiv National University
E-mail: janevra5877@gmail.com*

POETICS OF M. KUZMIN'S SHORT STORY "UNDERGROUND STREAMS" IN THE CONTEXT OF HIS SHORT PROSE OF THE 1920S

Abstract. The article is considering the poetics of M. Kuzmin's short story "Underground Streams" (1922), representative of his fragmentary prose of the 1920s. It is shown that the short story is characterized by features that are constant for the writer's short prose – intertextuality, autointertextuality, references to cultural phenomena of different epochs, facts of his creative and personal life. In addition, the defining aspects of its poetics are laconicism, fragmentary presentation, "dashed" plot, the important role of motives and subjective principles (impressions and the narrator's heightened irony).

Keywords: M. Kuzmin, poetics, short story, fragmentary prose, motive, irony.

*Полякова Евгения Олеговна,
аспирантка, Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина
E-mail: janevra5877@gmail.com*

ПОЭТИКА НОВЕЛЛЫ М. КУЗМИНА «ПОДЗЕМНЫЕ РУЧЬИ» В КОНТЕКСТЕ ЕГО МАЛОЙ ПРОЗЫ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению поэтики новеллы М. Кузмина «Подземные ручьи» (1922), репрезентативной для его фрагментарной прозы 1920-х годов. Показано, что новелле свойственны константные для малой прозы писателя черты – интертекстуальность, автоинтертекстуальность, отсылки к культурным явлениям разных эпох, фактам его творческой и личной жизни. Кроме того, определяющими аспектами ее поэтики стали лаконичность, фрагментарность изложения, «пунктирность» сюжета, важная роль мотивов и субъективного начала (впечатлений и обостренной иронии повествователя).

Ключевые слова: М. Кузмин, поэтика, новелла, фрагментарная проза, мотив, ирония.

Малая проза М. Кузмина 1920-х годов представлена небольшим количеством произведений, среди которых стилизованные новеллы «Невеста» и «Из записок Тивуртия Пенцля» с характерными и для его более ранних произведений такого типа чертами поэтики (стилизацией, ин-

тертекстуальностью, парадоксальным сочетанием культурных кодов и др.) [5; 6]. Кроме того, наше исследование выявило еще одну, формирующуюся в поздней прозе М. Кузмина, жанровую разновидность – новеллы с отчетливо выраженным тяготением к *фрагментированности текста*

как одному из способов деканонизации жанров и модернизации литературы [1; 2]. Эти новеллы («Подземные ручьи», «Голубое ничто», «Пять разговоров и один случай», «Печка в бане (кафельные пейзажи)») не были предметом специального исследования. **Целью** статьи является выяснение особенностей поэтики одной из новелл такого типа – «Подземные ручьи» (1922).

Композиционно произведение представляет собой 19 небольших по объему (от двух предложений до двух страниц) главок без нумерации и названий, графически разделенных звездочками, а внутренне скрепленных способом монтажа. Структурно они соотносимы с *фрагментами*, отличающимся незавершенностью, тяготением к дневниковой форме и «пунктирностью» сюжета [1], а также с более внутренне целостными, семантически емкими, импрессионистическими *миниатюрами* [4]. Эти главки воссоздают несколько эксцентрических сценок, описанных повествователем и передающих его впечатление, а также фрагментарные записи из «предсмертного» дневника Петровой, включающие, в свою очередь, цитаты из мистического романа К. Эккартсгаузена «Путешествие молодого Костиса». Действующими лицами сценок являются три пунктирно очерченных персонажа: Павел Николаевич Струков – интеллигент, которого тяготит и раздражает послереволюционная жизнь, его знакомый книжник Максим Иванович Крылечкин и бывшая аристократка, а ныне обычная служащая Мария Родионовна Петрова. Остальные персонажи только упоминаются – это случайный любовник Петровой Аркадий и ее муж, по ошибке осужденный за преступление однофамильца, приговоренный к расстрелу, но потом неожиданно отпущенный.

В названии и первой главке, выполняющих кодирующую функцию начала, запечатлены особенности как поэтики всего произведения, так и его содержательной сущности. Название указывает на что-то скрытое от человеческих глаз,

а первое же предложение главки начинается с многоточия и представляет собой вырванную из контекста и потому непонятную и нелепую цитату: «... “участвуют все инструктора”» [3, 381]. Впечатление нелепости усиливается от изображения падения в лужу героя, засмотревшегося на объявление. При этом М. Кузмин использует прием обыгрывания фразеологического оборота. Действие, лежащее в основе выражения «сесть в лужу», как бы материализуется, его переносное значение переходит в прямое, но не утрачивается, а функционирует в подтексте (подводном течении), который и образуется подобным способом. В дальнейшем текст строится по такому же принципу: прямое значение повествуемого приобретает и иной, более глубокий смысл, расширяющий семантику лаконичных главок и всего произведения.

Прогулка Струкова оборачивается конфузом, который, как окажется из дальнейшего повествования, не будет иметь значительных последствий для судьбы героя. Из-за малочисленности свидетелей его падения оно останется лишь незначительной уличной сценой, повествование о которой, тем не менее, порождает и иные смыслы: «... компания деловых людей на время перестала произносить *варварские названия* разных учреждений и поспешила пройти, да старуха с мешком сочувственно заругалась и *запророчила, вроде Мережковского*, близкий провал всего Петербурга» [3, 381] (здесь и далее курсив мой – Е. П.). Сравнение ворчливой старухи с одним из первых символистов-неомифологов носит откровенно иронический характер. Причем ирония здесь направлена как в адрес неомифолога, значимость «откровений» которого снижается благодаря сравнению с «пророчествами» нелепой старухи, так и в адрес самой старухи. Как станет очевидно из всего дальнейшего повествования, Петербург (читай – современный мир) не «провалился» в бездну, а «сел в лужу». Упоминание «*варварских названий*» (которые чуть позже

будут охарактеризованы как «чудовищные») тоже намекает на отношение героя и повествователя к новому режиму.

Происходящее в момент падения Струкова в лужу знакомство с молодой дамой усугубляет нелепость ситуации и сразу обнаруживает невозможность возникновения любви между героями: «Струков <...> отлично почувствовал при этом, что эта несколько унижительная для него встреча – *нисколько не начало какого бы то ни было романа, о котором, положим, он и не думал*» [3, 381]. В то же время, фраза о невозможности романа, завершающая первую главку, может быть истолкована и как *метатекст*. Судя по всему, здесь речь идет о невозможности не только любовных отношений между героями, но и *романа как жанра*, не подходящего для воссоздания современного миросостояния – «переворотившегося», не допускающего никаких по-настоящему человеческих контактов и связей. Повторяясь в последующих главах, фраза о романе станет многозначным (в том числе, и метатекстуальным) структурообразующим мотивом: «у него мелькнула странная уверенность, что *это – не начало и не продолжение романа*» [3, 384]; «очень романтично, хотя *без всякого романа*» [3, 385].

Таким образом, первая главка в концентрированном виде содержит черты поэтики, характерные для всего произведения: нелепость сюжетных ситуаций и самих героев, фрагментарность и лаконизм, но многозначность текста, в котором важная роль отводится интертексту, мотиву, игре словом. В целом же можно говорить о новеллистичности композиции «Подземных ручьев», так как они имеют неожиданный финал, параболически замыкающий текст и отправляющий читателя к названию произведения. Героиня, научившаяся стоически принимать жизнь такой, какой она стала, отказавшись от самоубийства, сравнивает свое состояние с подземными ручьями Олонецкой губернии.

Персонажи новеллы лишены глубины и психологизма, однако сквозь призму их рассуждений,

обрывочных мыслей и ситуаций, в которые они попадают, выражено мироощущение повествователя. Структурная фрагментарность главок, пунктирность и незавершенность сюжета «Подземных ручьев» позволяют передать ощущение дисгармоничности и разорванности мира. Композиционно разделенные миниатюрные главки связаны между собой с помощью *монтажа* разнородных по материалу фрагментов (случаев из жизни персонажей, их диалогов, цитат из дневника Петровой и художественных текстов), а также общими *мотивами и настроением*.

Ключевыми в новелле являются мотивы *нелепости* и *случайности*: Струков нечаянно попадает в лужу, затем он случайно находит дневниковые заметки Петровой и читает их прежде, чем осознает, что это слишком личное, то есть вновь попадает в нелепую ситуацию («садится в лужу»). Таким образом, вместо душевной близости и романа между героями происходит узнавание друг друга в неловких ситуациях. Петрова, увидев падение Струкова, возвращает его потерянную калошу, а он читает ее дневниковые заметки, не предназначенные для чужих глаз. Мотив нелепости проявляется и в других ситуациях: мужа Марии Родионовны обвинили и будто бы расстреляли *по ошибке*, приняв за его однофамильца, а позже оказалось, что его временно сослали на работы, и он возвращается к жене. Петрова тем временем успела заполнить освободившееся место молодым любовником, который «просил от него не отречься, так как все равно этим мужа она не воскресит, а его погубит» [3, 382]. Все эти нелепые отношения и случаи воспринимаются героями так же обыденно, «как известия о кражах, новом тарифе и холодной весне» [3, 382]. Повествование о них окрашено иронией повествователя, не готового принять современное миросостояние как норму.

С мотивами нелепости и случайности связан и мотив *разрозненности*. Торговец книгами Крылечкин подарил Струкову «Путешествие молодого

Костиса», в котором «четырёх страниц *не хватает* и двадцать страниц переплетчиком *перепутаны*» [3, 382]. Примечательно, что этот роман был написан К. Эккартсгаузенем, в произведениях которого сочетались как глубокие философские идеи и физические опыты, так и описание авторских выдумок и нелепых ситуаций. После визита к Марии Родионовне у Струкова оказалось еще несколько книг, в одной из которых, «разрозненном томе Вольтера» [3, 384], он нашел дневник Петровой. Причем ее дневниковые записи он мысленно разъединяет и перекомпоновывает, соединяя в иной последовательности. В одной из своих заметок женщина упоминает знакомых, которые разъехались в разные страны, и сравнивает мир с Вавилоном: «Кто в Праге, кто в Цюрихе, Лондоне, Токио. Мы *рассеялись, как в Библии*» [3, 386]. В следующей заметке Петрова приводит отрывок из «Путешествия молодого Костиса», описывающий деяния злого духа, совершившего все возможное, чтобы разъединить «человеков на столько *разных народов*, сколько возможно было <...>. *Разделил их на классы* и отравил гордостью каждое сердце, дабы одно состояние почитало себя лучше другого и *беспорядок умножился*» [3, 386].

В новелле содержатся отсылки к произведениям искусства и явлениям культуры, большинство из которых связаны с XVIII веком: «Путешествие молодого Костиса» К. Эккартсгаузена, том Вольтера, имя Екатерины II, роман С. Ричардсона «Памела, или Вознаграждённая добродетель», прямые упоминания эпохи. Но если ранее в новеллах М. Кузмина подобные отсылки служили элементом авторской игры и возможностью для творческого эксперимента [5; 6], то в «Подземных ручьях» их функция трансформируется. Герои обращаются к культуре, пытаясь обрести некую духовную опору для себя в новом мире, но культура превращается в разрозненные факты без глубинного содержания и целостного представления о ней. Очевидно, что XVIII век выбран не случайно – для М. Кузмина он был одной из любимых

эпох, а некоторые идеи того времени оказались своего рода укрытием от нового хаотичного мира: «Земной рай – бессмысленное мечтание, но, кажется, неискоренимое в человечестве» [3, 387].

Героиня, стремясь адаптироваться к новой действительности, все же понимает, что «любовь к жизни <...> нужна. Но в какой-то другой форме, более одухотворенной, что ли!» [3, 387]. Поэтому таким важным в новелле является мотив *подземных ручьев*, обозначающий «подземный ход души» [3, 385] и давший название произведению. Упомянув Олонецкую губернию, «страну диковин и колдунов» [3, 388], М. Кузмин обращается к своему прошлому и дорогим воспоминаниям, связанным с путешествием по тем краям и ярким романом с Г. Муравьевым [3]. В завершающих словах «Подземных ручьев», произнесенных героиней, М. Кузмин будто пророчески описывает не только свое мироощущение в момент написания произведения, но и свой будущий путь в мире искусства: «Теперь я подземно, слепо, может быть, прорываю свой путь и верю, эта долина будет прохладна и душиста, куда пробьются верные мои волны» [3, 388].

Выводы. Таким образом, для поэтики новеллы «Подземные ручьи» характерны лаконичность изложения и «пунктирность» сюжета, в основе структуры которого лежит монтаж разнородных по материалу фрагментов, что максимально приближает новеллу к *фрагментарной прозе*, а ирония усиливается и приобретает эмоциональный оттенок горечи. Путаница, курьезы и любовные коллизии, традиционно присутствующие в прозе М. Кузмина, в «Подземных ручьях» уже не только создают возможность для творческого эксперимента, но становятся формой выражения ощущения разрозненности, дисгармонии и хаотичности мира. Интертекстуальные же отсылки к культурным явлениям и произведениям искусства связаны не с изящной творческой игрой автора, а с неудачной попыткой героев обрести ориентиры и духовные опоры в изменившемся

мире. Любовь, творчество, культура были для М. Кузмина важнейшими ценностями, но на новом этапе истории, личной и творческой жизни писателя их реализация оказалась практически

невозможной. Похожее настроение и особенности поэтики свойственны и другим новеллам М. Кузмина 1920-х годов, в основе которых лежит прием фрагментирования текста.

Список литературы:

1. Баран Х. Фрагментарная проза // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 463–520.
2. Бойчук А. Г. Индивидуальные неканонические жанры // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 437–462.
3. Кузмин М. Подземные ручьи. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – 768 с.
4. Минакова А. В. Миниатюра в русской прозе первой трети XX века. Дис. ... канд. филол. н.: 10.01.01. – М., 2016. – 183 с.
5. Полякова Е. О. Особенности стилизации в новелле М. Кузмина «Мачеха из Скарперии» // Література в контексті культури: Зб. наук. праць. Вип. 28 / ред. кол.: В. А. Гусев (відп. ред.) та ін. – Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. – С. 204–211.
6. Полякова Е. О. Трансформация жанра жития в новелле М. Кузмина «Пример ближним» // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2015. Сер. Філологія. Вип. 73. – С. 226–229.

Section 3. Philology

<https://doi.org/10.29013/EJLL-20-2-35-39>

*Sokolova Anastasiia,
Postgraduate student, the Faculty of Philology
Donbass State Pedagogical University,
E-mail: 7akara7@gmail.com*

SOME PECULIARITIES OF ADJECTIVE METONYMY

Abstract. This article deals with adjective metonymy and its types. It also describes areas of difficulty, connected to this topic.

Keywords: contextual metonymy, reflected metonymy, dynamic metonymy, discursive metonymy, adjective metonymy.

*Соколова Анастасия,
аспирантка, филологический факультет
Донбасский государственный педагогический университет,
E-mail: 7akara7@gmail.com*

К ВОПРОСУ О МЕТОНИМИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Аннотация. В статье представлена информация о метонимии прилагательного и ее типах. Также рассматриваются проблемные вопросы, связанные с данной темой.

Ключевые слова: контекстуальная метонимия, отраженная метонимия, динамическая метонимия, дискурсивная метонимия, адъективная метонимия.

Метонимию прилагательного именуют по-разному: метонимией признака (Е. А. Некрасова, 1978), смещенным определением (М. В. Сандакова, 2004), контекстуальной метонимией (К. А. Долинин, 1978), отраженной, динамической, дискурсивной, адъективной метонимией (О. В. Раевская, 1999, 2000) [4, 33]. Исследованием этого явления занимались такие ученые, как И. А. Долгих (1974, 1984), Л. И. Рахманова (1983), А. Д. Григорьева (1985), Е. Л. Гинзбург (1985) и другие лингвисты.

Из-за недостаточной изученности метонимии прилагательных, довольно распространенной является точка зрения, согласно которой прилагательным, как и другим предикативным словам, метонимия не свойственна. Этой позиции придерживаются Н. Д. Гарипова и К. А. Аллендорф. А. Н. Шрамм также определенное время поддерживал данную идею, но впоследствии изменил свое видение, и в работах, посвященных семантическому развитию прилагательного, которые будут напечатаны позже (А. Н. Шрамм, 1987,

1989), филолог станет рассматривать метонимию уже наряду с метафорой прилагательного.

Метонимию прилагательных отмечают А. В. Калинин (делает акцент на том, что «метонимия прилагательных – более сложное явление, чем метонимия существительных»), Н. Д. Арутюнова, В. А. Сиротина. А. И. Федоров в работе «Семантическая основа образных средств языка» придерживается схожей позиции [11, 100–101]. Для существительных (в прямом номинативном смысле) свойственна функция идентификации, а для прилагательных и глаголов – функция предикации. В этом и заключается главное логико-смысловое различие между ними. Предикация является самостоятельной в смысле отнесенности к какому-либо субъекту или объекту [13]. Дж. Кугар (1968, 123, 124) отмечает: «Категориальные семантические переносы прилагательных или наречий более тесно связаны с существительными или глаголами и проявляются только в результате сочетания с ними». В. И. Зимин [7, 13] поддерживает эту точку зрения [1, 100]. Прилагательному, которое выражает абстрагированный от предмета признак, не свойственна денотативная самостоятельность. Оно «включается в сферу обозначения предметов или явлений через взаимодействие с существительным» [3, 4]. Прилагательное зависит от него семантически и синтаксически. Семантической особенностью прилагательного является то, что свойство онтологически неотделимо от субстанции: отвлеченное от своего носителя, оно представляет прилагательное в чистом виде, как самостоятельную семантическую данность, но тяготение свойства к субстанции делает прилагательное зависимым от существительного [11, 151]. Эта зависимость проявляется в большем количестве «участников» переноса: в случае с метонимией существительных, имеют место два предмета: бас «голос» → бас «певец с таким голосом»; в ситуации метонимии прилагательных – два предмета + один признак: смелый человек →

смелый ответ (ответ смелого человека). Важным является то, что «качество, признак не существуют сами по себе, без его носителя, и на значение прилагательного всегда проецируется значение носителя признака» [3, 7]. Итак, смежностью в случае с метонимией прилагательных является не только смежность признаков, но и предметов – носителей признаков.

Метонимия признака также может основываться на смежности признаков одного предмета, например: основой производного значения слова большой «взрослый, а также такой, что вышел из младенческого возраста, подросток» («Ты большой уже мальчик, тебе десятый год.» Н. Г. Гарин-Михайловский) послужил такой внешний физический признак человека, как рост (оба признака «рост» и «возраст» характеризуют один предмет – человека) [1, 102].

Существует тонкая грань между метонимией признака и метафорическим эпитетом, то есть, метафорой. Р. О. Якобсон отмечал, что «Всякая метонимия отчасти метафорична, а всякая метафора имеет метонимическую окраску» [14]. А. А. Коротеев признает совмещение метафоры и метонимии во многих словосочетаниях. Он вводит понятие *antihendiadys*, что означает результат искусственного слияния двух независимых друг от друга понятий (звездная тишина, ленивая тишина у А. С. Пушкина) [5]. Поиск сходства создает новые модели образования смысла, а большое количество смыслов придает поэтичности художественным произведениям. Образы, которые создают сочетания слов, вызывают яркую палитру эмоций.

М. В. Сандакова в своей докторской диссертации выделяет два основных типа метонимии качественных прилагательных: перенос наименования свойства (семантическая метонимия) и смещение определения (семантико-синтагматическая метонимия). Сущность метонимии первого типа заключается в переносе имени одного свойства на другое на основании смежности самих свойств.

Сущность метонимии второго типа состоит в смещении определения с имени одного объекта на имя другого, смежного с ним объекта. В первом случае, как правило, у прилагательного формируется вторичное метонимическое значение. Во втором случае новое значение появляется не всегда [11].

М. В. Сандакова, опираясь на работы О. В. Равевской, выделяет три механизма дискурсивной метонимии качественных прилагательных в художественных текстах. 1. Эллипсис. Для лексической адекватной метонимии эллиптическое сокращение не является живым процессом, т.к. прилагательное приобрело самостоятельное лексическое значение, которое отличается от первоначального значения. М. В. Сандакова делает вывод: «Итак, о дискурсивных метонимических словосочетаниях прилагательного можно говорить как о результате семантического эллипсиса, при котором смысловая конденсация приводит к структурному сокращению синтаксической единицы» [12, 108]. 2. Номинативная подмена определяемого. Это специфический механизм дискурсивной метонимии. Обычно эллипсис предусматривает денотативную смежность участников ситуации, а в этой ситуации смежность носит логический характер: определяемое имя заменяется другим именем, которое выражает предикативную характеристику объекта, имеющегося в виду, то есть наблюдается номинативное различие при денотативном тождестве исходного и нового определяемого. 3. Словообразовательный механизм. При этом способе от имени одного из участников ситуации образуется прилагательное, которое служит определением к имени другого участника, то есть участники получают неоднородное частеречное выражение – существительным и прилагательным [5].

А. А. Коротеев выделяет три группы смещенных определений: смещенные определения, которые приписывают части признак целого; смещенные определения, грамматически подчиненные названию целого, а по содержанию –

наименованию части; смещенные определения, которые присваивают признак одного предмета другому, не связанному с первым отношениями части и целого, например, с носителя свойства или состояния на само свойство или состояние («... в восторге только музы тайком осмелились сей стих бряцать.» Г. Р. Державин) и с места действия на опредмеченное действие («с черным молением в зрачках.» В. Я. Брюсов) [5].

Наиболее полной типологией адекватной метонимии является классификация А. Х. Мерзляковой. Исследователь опирается как на смежность предметов, которая лежит в основе метонимических переносов, так и на смежность признаков этих предметов и говорит о четырех разновидностях адекватной метонимии прилагательного.

1. Каузальная адекватная метонимия, в основе которой лежит ассоциативная связь между компонентами причинно-следственных отношений. Здесь различаются семантические переходы, осуществляемые от причины к следствию и от следствия к причине (ты весь черный, то есть грязный). Важно, что эта связь может быть понятна вне контекста.

2. Конверсивная адекватная метонимия, которая базируется на объединении двух взаимодополняющих признаков и имеет следующие виды: а) каузирующий подтип, б) индикативный подтип, в) включающий подтип, г) метонимия длительности состояния, д) локативный подтип.

3. Вторичная метонимия признака, которая функционирует чаще как синтаксическое смещение и определяется в большей степени природой объекта, а не признаками. Этот тип метонимии адекватива употребляется при характеристике объекта, предмета, явления, связанных имплицитивной связью, ситуацией включения признаков, при котором происходит переподчинение смысла: молчаливый человек – молчаливые уста.

4. Синекдоха, в основе которой также лежит смежность, «однако существенным отличием синекдохи является количественный признак со-

отношения того, с чего переносят наименование, и того, на что переносят наименование» [5; 8; 9]. Может сложиться впечатление, что различие между метонимией и синекдохой заключается во внешнем количественном признаке. Но сущность различия состоит именно в наших психологических особенностях. Об этом замечательно пишет в своей монографии Беатрис Уоррен: «метонимия и синекдоха основаны на внешних, структурных отношениях. Но главное различие кроется в наших способностях синтезировать (сливать воедино разные сущности, как в метонимии) и анализировать (усматривать в какой-либо сущности ее составляющие)» [14]. Синекдоха совмещает отношения включения и подчинения: то, что имеющий признак А, включающий В – имеющий признак В; синий цвет – синий человек от холода – синий человек.

Все приведенные типы переносов, по мнению А.Х. Мерзляковой, ограничены возможностями ассоциативных связей имен и обусловлены реальными ситуативными связями, зависят от «общественных пресуппозиций о миропорядке» [8, 114]. Кроме того, именно конверсивный тип адъективной метонимии является наиболее антропоцентричным. Автор классификации считает, что сферой-донором здесь является поле «эмоции», тогда как вторичная метонимия и синекдоха чаще употребляются в случае моделирования экзистенциальных или артефактных понятий [5].

А. К. Бирих отмечает, что в современных толковых словарях характер фиксации метонимии является непоследовательным, а также отсутствует унификация толкований: в словаре может отсутствовать метонимическое значение прилагательных, узуальный характер которых является очевидным, прямое и переносное значения могут быть не отделены, кроме этого, некоторые формулировки не отражают производного характера метонимического значения [10, 712].

Таким образом, метонимия прилагательного – явление многогранное, оно до сих пор остается неизученным. В лингвистической литературе этот феномен именуется по-разному. К тому же, существует широкое многообразие классификаций типов метонимии признака. Существует точка зрения, согласно которой метонимические переносы у прилагательных отсутствуют, но многие ученые акцентируют внимание на том, что это вполне реальное явление и отмечают, что прилагательное является зависимым от существительного семантически и синтаксически. Кроме того, существуют трудности с различием дискурсивной метонимии и метафорического эпитета, то есть, метафоры. Подводя итог, следует отметить, что вопросу изучения адъективной метонимии посвящено большое количество научных трудов, но данная тема до сих пор сохраняет свою актуальность.

Список литературы:

1. Бирих А. К. Метонимия в современном русском языке. Семантический и грамматический аспекты. – Мюнхен, 1995. – 191 с.
2. Бирих А. К. Метонимия в современном русском языке. (Семантический и грамматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – А., 1987. – 270 с.
3. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
4. Губанов С. А. Адъективная метонимия в художественном дискурсе (на материале творчества М. И. Цветаевой). Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. – № 1(16). – С. 33–40.
5. Губанов С. А. Эпитет в творчестве М. И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Самара, 2009. – 235 с.

6. Занегина А. А. Адъективная метонимия и ее специфика в поэзии Н. С. Гумилёва. Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Междунар. научн. конф. (Москва, февраль 2014 г.). – Москва: Буки-Веди, 2014. – С. 70–73.
7. Зимин В. И. О мотивировке метафорических значений слов. Лексико-грамматические записки. – Москва, 1976. – С. 12–31.
8. Мерзлякова А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие»: на материале английского, русского и французского языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Уфа, 2003. – 359 с.
9. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
10. Сандакова М. В. Адъективная метонимия в лексикографическом аспекте. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. – № 4 (2). – С. 712–715.
11. Сандакова М. В. Метонимия прилагательного в русском языке. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/metonimija-prilagatel'nogo-v-russkom-jazyke.html> (дата обращения: 23.10.2019).
12. Сандакова М. В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного. Филологические науки. 2004. – № 3. – С. 106–112.
13. Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии. Неглагольная метонимия глаголов и неадъективная метонимия прилагательных. URL: https://ozlib.com/818598/literatura/neglagol'naya_metonimiya_glagolov_neadektivnaya_metonimiya_prilagatelnyh (дата обращения: 23.10.2019).
14. Якобсон Р. О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений. Теория метафоры. – М., 1990. – С. 110–132.
15. Warren B. Referential metonymy. Manuscript version of monograph published in: Scripta Minora, 2003. – 4, Royal Society of Letters at Lund, Sweden, 2006. – 71 p.

Contents

Section 1. Linguistics	3
<i>Sargsyan Ruzana Galstyan, Torrijos Mónica Belda</i> ONLINE LEARNING TECHNOLOGIES AND THEIR DEVELOPMENT TENDENCIES	3
<i>Kovalkova Tatiana Vladimirovna</i> LANGUAGE REPRESENTATION OF ELITISM IN THE IMAGE CORPORATE DISCOURSE.....	12
Section 2. Literature	17
<i>Vasilevich Elena</i> THE CULTURAL GENERATION IN THE LITERARY PROCESS: ASPECTS OF SCIENTIFIC REFLECTION.....	17
<i>Griya Anna</i> ASPECTS OF APHRODITE IN SAPPHO'S FR. 2.....	24
<i>Poliakova Yevheniia Olegovna</i> POETICS OF M. KUZMIN'S SHORT STORY "UNDERGROUND STREAMS" IN THE CONTEXT OF HIS SHORT PROSE OF THE 1920S.....	30
Section 3. Philology	35
<i>Sokolova Anastasiia</i> SOME PECULIARITIES OF ADJECTIVE METONYMY.....	35